

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliiy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галышина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

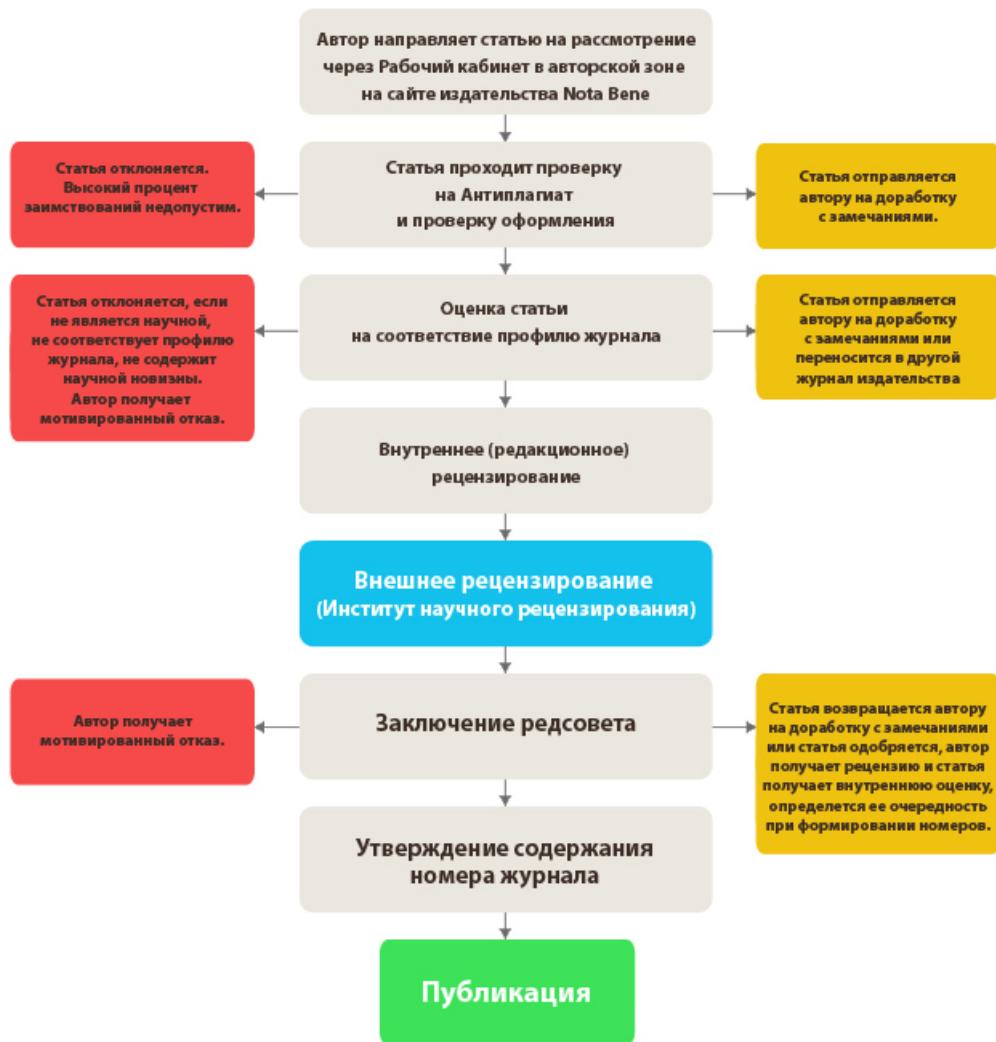
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Редникова Т.В. Природоподобные технологии в сельском хозяйстве как основа рационального природопользования в отрасли: направления развития правового регулирования и правоприменения	1
Евтеев К.И. Злоупотребление правом на адвокатский запрос: пределы допустимого и ответственность за нарушение	12
Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации: вызовы национальной идентичности и институциональные стратегии адаптации	24
Мошин В.А. Эволюция Королевского закона 1665 года как конституционного акта абсолютной монархии Дании: содержание, значение и эволюция	41
Трапезников А.И. Отсутствие деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности как признак дробления бизнеса	51
Англоязычные метаданные	68

Contents

Rednikova T.V. Nature-like technologies in agriculture as the basis for rational use of natural resources in the industry: directions for the development of legal regulation and law enforcement	1
Evteev K.I. Abuse of the right to make a lawyer's request: limits of acceptability and liability for violations	12
Poyarkov S.Y. Adaptive constitutionalism in the context of migration-driven transformation: challenges to national identity and institutional adaptation strategies	24
Moshin V.A. The Evolution of the King's Law of 1665 as a Constitutional Act of Absolute Monarchy in Denmark: Content, Significance, and Evolution	41
Trapeznikov A.I. The absence of a business purpose in the model of entrepreneurship as a sign of business fragmentation	51
Metadata in english	68

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Редникова Т.В. Природоподобные технологии в сельском хозяйстве как основа рационального природопользования в отрасли: направления развития правового регулирования и правоприменения // Юридические исследования. 2025. № 10. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76114 EDN: RSASLB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76114

Природоподобные технологии в сельском хозяйстве как основа рационального природопользования в отрасли: направления развития правового регулирования и правоприменения**Редникова Татьяна Владимировна**

ORCID: 0000-0002-1628-973X

кандидат юридических наук

Старший научный сотрудник; Сектор экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

[✉ trednikova@gmail.com](mailto:trednikova@gmail.com)[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.10.76114

EDN:

RSASLB

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2025

Дата публикации:

05-10-2025

Аннотация: Актуальность исследования определяется растущей проблемой продовольственной безопасности в условиях демографического роста и необходимости развития сельскохозяйственного производства с учетом охраны природных ресурсов. В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с внедрением природоподобных технологий в аграрный сектор экономики. Цель работы заключается в анализе современных подходов к развитию сельскохозяйственного производства на основе природоподобных технологий, исследовании правовых механизмов их внедрения и

оценке влияния на обеспечение продовольственной безопасности государства. Особое внимание уделяется значению правового регулирования инновационных методов ведения сельского хозяйства, что имеет важное значение для разработки стратегий развития данного направления с учетом полученных в процессе всестороннего междисциплинарного исследования возможного практического применения таких технологий, их преимуществ, а также возможных негативных последствий. В статье с использованием общенаучных и специальных методов (исторического анализа, обобщения, формально-юридического, сравнительного-правового) исследованы стратегические документы и нормативные правовые акты в сфере разработки и применения природоподобных технологий и иных инновационных методов сельскохозяйственного производства. В статье делается вывод о том, что дальнейшее развитие и внедрение таких технологий позволит решить многие проблемы современного аграрного сектора и обеспечить продовольственную безопасность как отдельных стран, так и всего человечества. При этом процесс совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере не должен отставать от скорости научно-технического прогресса, с одной стороны минимизируя возможные риски, а с другой обеспечивая должную степень свободы научных разработок и оптимизацию процессов их практического внедрения. Первоочередное внимание необходимо уделить разработке и закреплению критериев отнесения технологии к природоподобной. Также в регламентации нуждаются меры государственной поддержки практического внедрения природоподобных технологий как административного, так и финансового характера, а также подготовка специалистов в различных сферах, обладающих необходимыми знаниями и навыками.

Ключевые слова:

право, окружающая среда, инновационные технологии, природоподобные технологии, продовольственная безопасность, стратегия развития, природа, правовое регулирование, критерии, национальная безопасность

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Ежегодно по причине ускорения процесса роста населения планеты, человечество сталкивается с все более реальной проблемой нехватки продовольствия, которая, становясь острее с каждым годом, представляет собой серьёзную опасность для существования всего человечества. В связи с этим решение задачи обеспечения продовольственной безопасности населения имеет первостепенное значение и является одной из наиважнейших составляющих системы национальной безопасности любого современного государства. Достаточный уровень продовольственной безопасности может быть обеспечен исключительно путем развития национальной отрасли сельхозпроизводства, в том числе за счет инвестирования в развитие новых технологий. Развивая технологический прогресс, государство создает предпосылки для экономического благополучия своего населения, причем уровень этого прогресса напрямую связан с перспективами дальнейшего развития государства. Таким образом, совершенствование сельскохозяйственных технологий становится не просто вопросом эффективности производства, но и фактором национальной безопасности и устойчивого развития общества.

Сельское хозяйство является той отраслью, которая как никакая другая, в значительной степени зависит от наличия и качества необходимых природных ресурсов, климатических

факторов и благоприятного состояния окружающей среды [1], ее незагрязненного состояния в первую очередь.

Как указывает Г.М. Ахмадиев, неблагоприятные факторы могут быть причиной снижения качества сельскохозяйственной сырьевой и пищевой продукции, как животного, так и растительного происхождения, по причине трансформация загрязняющих веществ в опасные факторы, которые могут привести к глубоким тканевым повреждениям и разрушениям клеточных и гуморальных факторов природной устойчивости живых организмов [2, с. 190]. Применяя современные технологии в сельском хозяйстве, производители должны обеспечивать не только выпуск достаточного количества качественной продукции, но и рационально использовать природные ресурсы, способствовать их неистощению и эффективному воспроизводству. По мнению Е.Н. Гусева, человечество на современном этапе оказалось в ситуации «необходимости и неизбежности рационального использования им доступных ресурсов, включая области сельского хозяйства и связанного с ним сектора водного хозяйства» [3, с. 9].

Как отмечает А.Н. Савенков, «в условиях трансформации современных общественных процессов и объективных изменений глобальной архитектуры мироустройства развитие промышленности и технологий существенно влияет на политическую карту мира, формирует перспективы новых экономических моделей и парадигмы пользования ресурсами и результатами труда» [4, с. 14]. Процессы глобализации, присущие современности и определяемые учеными, как процессы социотехноприродного развития мира [5, с. 11], с одной стороны способствуют научно-техническому прогрессу во всех сферах общественной жизни, а с другой стороны могут мешать развитию технологичных отраслей в тех странах, где они традиционно не развивались. В свою очередь политico-экономические противоречия тормозят сотрудничество между странами в сфере технологического развития. Это негативно сказывается на темпах научно-технологического прогресса, что заставляет государства предпринимать дополнительные усилия, в том числе путем принятия политических и правовых мер по стимулированию научных исследований с целью обеспечения технологического суверенитета [6].

Одним из главных и наиболее часто используемых ресурсов, без которого невозможно представить себе такие отрасли сельского хозяйства как растениеводство и животноводство, является земля. В XXI веке, который характеризуется значительным увеличением антропогенного воздействия на природные экосистемы, ландшафты стали использоваться в качестве ключевой пространственной единицы при оценке экологической устойчивости территорий. Особое значение придается устойчивости ландшафтов в сельхозпроизводстве, поскольку так называемые агроландшафты, сформировавшиеся в процессе земледелия, являются точкой приложения сельскохозяйственной деятельности [7, с. 106] и подвергаются в ее процессе комплексному воздействию.

В отраслевом земельном и экологическом законодательстве землям сельскохозяйственного назначения посвящен целый спектр норм, касающихся их охраны и рационального использования, а также сохранению из как природного ресурса. Так, Земельный кодекс РФ определяет охрану земель как деятельность органов власти и граждан по сохранению земли как природного ресурса. В соответствии с положениями кодекса собственники и пользователи сельхозземель обязаны заниматься воспроизводством их плодородия, защищать от эрозии, подтопления, заболачивания, засоления, сохранять мелиоративные системы, препятствовать зарастанию сорными

растениями, предотвращать загрязнение земель химическими веществами и отходами. Помимо этого, данный нормативный акт регламентирует порядок рекультивации земель при их деградации, а также правила консервации земель при невозможности их восстановления. В сферу правового регулирования Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» входят вопросы контроля за состоянием плодородия почв, поддержания и повышения их плодородия, проведения агротехнических мероприятий, а также восстановления деградированных земель. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает общие требования к охране природных ресурсов, защиту их от негативного воздействия со стороны различных субъектов, регламентирует порядок осуществления мер контроля и надзора в сфере охраны окружающей среды, в том числе требования о предотвращении загрязнения земель и защиту их от иных видов негативного воздействия.

Федеральным законом от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» в качестве основных целей охраны земель определяются повышение продуктивности и устойчивости земледелия, сохранение и воспроизводство плодородия земель, защита неиспользуемых и малопродуктивных земель. Закон также устанавливает, что любые работы на мелиорированных землях должны проводиться с учетом требований по охране окружающей среды и не должны приводить к ухудшению состояния почв, а мелиоративные сооружения должны быть защищены от повреждения. В нем определены такие виды мелиоративных мероприятий, как агролесомелиорация, агрофитомелиорация, гидромелиорация, культуртехническая и химическая мелиорация. Данный правовой акт содержит запрет на ухудшение водного, воздушного и питательного режимов почв, а также иные положения в рассматриваемой сфере.

Приведенные в качестве примера нормы в течение уже нескольких десятков лет в достаточной степени эффективно обеспечивают регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере. Однако в связи с ускоренными темпами научно-технического прогресса и внедрением все большего числа инновационных методов ведения сельского хозяйства необходимо развивать и правовое регулирование как самого применения новых технологий, так и их влияния на состояние окружающей среды в целом и земель и иных природных ресурсов, в частности, в целях обеспечения устойчивого развития отрасли. В современном мире такой показатель качества земель как природного ресурса, как плодородие, в первую очередь таким угрозам внешнего характера, как, например, процессы глобального потепления климата и связанные с ними экстремальные погодные явления, а также загрязнение окружающей среды, последствия природных и техногенных катастроф, способных существенно ухудшить состояние сельхозземель и отрицательно сказать на их плодородии. Негативно на состоянии земель может сказать и неправильное использование различных агротехнологий, применение которых может привести к ухудшению их качества и деградации. Представляется особенно важным проводить оценку вновь разрабатываемых технологий с точки зрения долговременных последствий от их применения в части влияния на состояние земель и иных природных ресурсов.

Необходимость разработки и ускоренного внедрения новых технологий сложно оспорить, так как в условиях текущей геополитической обстановки годами наложенные связи и обмен информацией могут быть разорваны из-за возникновения противоречий между отдельными государствами и их объединениями. В этих условиях земля, пригодная для выращивания продовольствия, является одним из стратегически важных природных

ресурсов и может в реальности стать предметом возникновения межгосударственных конфликтов [8].

В соответствии с положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Утв. указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.) в нашей стране одним из приоритетных направлений научно-технологического развития является в том числе и «переход к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот». В июне 2024 г. указом Президента РФ были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий (Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640), которым природоподобные технологии были отнесены к важнейшим наукоемким сквозным технологиям. В настоящее время нормативное определение какие технологии могут быть отнесены к природоподобным в российском законодательстве отсутствует, что может вызывать определенные сложности, в том числе и в вопросах экономического стимулирования развития той или иной технологии со стороны государства. Необходима также выработка и закрепление на законодательном уровне четких и прозрачных критериев отнесения технологии к природоподобной.

Преимущество природоподобных технологий состоит в сочетании высоких технологических возможностей и эффективности. Помимо достижения непосредственных целей применения, заимствованные у природы новые возможности и создаваемые на их основе прорывные технологические решения должны включать в себя задачу максимально бережного отношения к ресурсам планеты. Стратегической целью современной цивилизации также должно стать включение природоподобных технологий в естественный природный ресурсооборот [9, с.104].

Впервые в российском научном обороте термин «природоподобные технологии» появился в 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в выступлении на пленарном заседании 70-й Генеральной Ассамблеи ООН говорил о «внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой» (См.: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/50385> (дата обращения: 20. 08.2025)). Однако за прошедшие годы единого понимания сущности природоподобных технологий и содержания данного понятия в российской науке и практике не сложилось [10, с. 23].

Необходимо отметить, что и за рубежом закрепленный юридически термин «природоподобные технологии» (в какой-либо из его смысловых редакций) на сегодняшний день не содержится ни в международных соглашениях, ни в правовых актах на национальном уровне. При этом многие государства и организации в своих стратегических и иных документах, касающихся сферы устойчивого развития, охраны окружающей среды и инновационных технологий, используют это понятие косвенно.

При разработке критериев отнесения технологии к природоподобной в первую очередь необходимо учитывать основные принципы, которым они должны отвечать. В первую очередь они должны соответствовать принципам, реализованным в живых организмах и неживых объектах, созданных природой, таким как, например, принцип экономии

ресурсов, эффективность и производительность природных процессов, способности к саморегулированию, пригодность для многократного повторного использования, возможности их включения в естественный ресурсооборот. Разрабатываемые природоподобные технологии в идеале должны обладать возможностью встраиваться в природные экосистемы, минимально нарушая баланс свойственных им процессов. Помимо этого, в идеале любая технология, а также произведенная с ее помощью продукция, должны оказывать минимальное негативное воздействие на окружающую среду на протяжении всего их жизненного цикла [11]. Необходимо отметить, что в зависимости от технологии не все данные принципы могут быть реализованы в каждом конкретном случае одновременно.

Таким образом, природоподобные технологии являются технологическими решениями, которые воспроизводят существующие в природе системы и процессы, они должны быть интегрированы в естественный природный ресурсооборот, а их применение в идеале не наносит вреда окружающей среде. Следует также учитывать тот факт, что поиск путей гармоничного взаимодействия с природой в процессе ведения сельского хозяйства необходимо начинать с анализа традиционных методов, применявшимися на протяжении всей истории человечества. С учетом цели минимизации негативного воздействия на окружающую среду многие из них могут оказаться достаточно эффективными и в каком-то смысле инновационными.

Одним из примеров практического применения анализа исторического опыта является деятельность австрийского фермера З. Хольцера, разработавший на основе идеологии природоподобия методы экологического ведения сельского хозяйства, получившие название «пермакультура Хольцера». Суть его методики заключается в использовании естественных процессов и взаимосвязей в природе для создания устойчивых экосистем на участках, используемых для производства сельхозпродукции. Эти методы основаны на создании замкнутых циклов, где каждый элемент системы поддерживает и дополняет другие, что позволяет достичь максимальной эффективности при минимальных затратах. Тщательное изучение природных условий участка позволяет создавать оптимальные условия для роста растений путем использования принципов террасного земледелия, совмещения различных культур в одном пространстве путем создания многоярусных посадок, активного применения методов органического земледелия и бережного отношения к почве. Особое внимание уделяется сохранению влаги, защите от ветра и созданию микроклимата. Метод З. Хольцера не исключает также и внедрение инновационных решений, таких как использование природных материалов для утепления почвы, создание водоёмов для регулирования температуры и влажности, а также разведение животных в тесной взаимосвязи с растениеводством. В результате применения описанных методов, как показали эксперименты З. Хольцера, даже в сложных климатических условиях можно получать высокие урожаи, не применяя химикаты и не истощая почву. Его фермы стали образцами устойчивого развития, где каждый элемент работает на благо всей системы, а полученный опыт успешно применяется фермерами по всему миру [12].

При разработке стратегий инновационного развития в сельскохозяйственной отрасли необходимо учитывать тот факт, что одной из глобальных междисциплинарных задач современной науки в разных отраслях знаний, в той или иной степени связанных с сельским хозяйством, является научное обоснование эффективности традиционно применяемых методов. Полученные результаты позволяют систематизировать знания, что в конечном итоге позволит обеспечить тиражирование и применение технологий не только в небольших фермерских хозяйствах, но и в промышленном сельхозпроизводстве.

Переходя к характеристике природоподобных технологий, используемых в сельском хозяйстве в настоящее время, необходимо подчеркнуть, что их применение представляет собой основанный на принципах работы природных экосистем инновационный подход в его ведении, конечной целью реализации которого является повышение эффективности сельхозпроизводства. В этом случае создаваемые и применяемые производственные циклы должны быть максимально приближены к естественным биологическим циклам. Именно за счет этого достигается минимизация негативного воздействия на окружающую среду.

В современном сельском хозяйстве сферы применения природоподобных технологий различны и включают в себя целый ряд направлений. Во-первых, это разработка биотехнологических решений по созданию новых материалов и продуктов для сельского хозяйства. К этой категории относится создание новых видов удобрений и средств защиты растений на основе природных компонентов, а также иных биопрепараторов. Особое внимание уделяется разработке биопрепараторов, способных восстанавливать плодородие почвы и защищать растения от вредителей без использования химических веществ.

Во-вторых, на основе применения нанотехнологий разрабатываются новые эффективные и экологодружелюбные (в смысле полной нейтральности или имеющих минимальное негативное воздействие на окружающую среду) средства защиты растений и удобрения, поскольку наночастицы могут доставлять питательные вещества непосредственно к корням растений. Это повышает степень их усвоения, тем самым снижая необходимый объем применяемого вещества, что повышает эффективность их использования и снижает негативное воздействие на окружающую среду.

Помимо применения природоподобных технологий к инновационным методам ведения сельского хозяйства относится и информатизация отрасли, заключающаяся в применении искусственного интеллекта и машинного обучения для оптимизации агропроцессов, применении дронов для дистанционного контроля за состоянием растений и сельскохозяйственных животных, а также точечного внесения удобрений и средств защиты растений [13], что кратно снижает негативное воздействие сельхозпроизводства на агроэкосистемы и окружающую среду в целом. К данной категории относятся и технологии точного земледелия, основанные на природоподобных принципах, которые включают использование спутниковой навигации, датчиков и систем мониторинга для оптимизации внесения удобрений и средств защиты растений. В последнее десятилетие отдельное внимание уделяется и внедрению технологий вертикального земледелия, а также развитию методов органического земледелия.

В настоящее время особое внимание также уделяется разработке новых методов обработки почвы, которые учитывают естественные процессы почвообразования, например, включают в себя использование минимальной обработки почвы, сохранение растительных остатков на поверхности поля, а также внедрение севооборота, максимально приближенного к функционированию природных экосистем. К разновидности таких технологий относится технология прямого посева «no-till» и мульчирования, при которой используется мелкое, поверхностное рыхление или же полный отказ от обработки почвы [14, с. 3, 16]. Однако необходимо отметить тот факт, что комплексных научных исследований эффективности и последствий применения данной технологии до настоящего времени в нашей стране не проводилось, а ее практическое применение ограничено южными засушливыми районами [17, с. 5]. Е.Н. Гусев также обращает внимание на тот факт, что применение технологий так называемого зеленого

земледелия ведет не только к рационализации использования энергетических и почвенных ресурсов, но и водных, ситуация с которыми становится все более напряженной для человеческой цивилизации [\[14, с. 11\]](#).

Несмотря на высокие первоначальные затраты на внедрение природоподобных технологий, их применение в долгосрочной перспективе позволяет существенно повысить экономическую эффективность сельскохозяйственного производства. К экономическим преимуществам их применения можно отнести снижение затрат на удобрения и средства защиты растений, повышение урожайности и улучшение качества продукции. И, как уже говорилось выше, применение природоподобных технологий позволяет существенно снизить негативное воздействие сельского хозяйства на окружающую среду за счет сохранения биологического разнообразия и плодородия почв, сокращения химического воздействия на экосистемы удобрений и пестицидов, снижения выбросов парниковых газов за счет оптимизации сельхозпроизводства.

Необходимо отметить, что природоподобные технологии не являются альтернативой традиционным методам ведения сельского хозяйства, а представляют собой их эволюционное развитие, направленное на создание более эффективных и экологически безопасных систем производства сельскохозяйственной продукции. При этом успешное внедрение подобных технологий подразумевает комплексный подход, который включает в себя разработку и внедрение новых технических решений, подготовку квалифицированных специалистов, создание системы сертификации продукции и технологий, а также с учетом затратности развитие системы государственной поддержки производителей. В.В. Устюкова отмечает, что внедрение инновационных разработок в сельхозпроизводство невозможно без государственной поддержки, осуществляющей как на федеральном, так и на региональном уровне, при этом в ст. 7 базового для сельхозсектора экономики Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» среди 17 основных направлений его государственной поддержки «напрямую не названо такое направление, как государственная поддержка инновационной деятельности в сельском хозяйстве. На необходимость устранения этого недостатка уже обоснованно обращалось внимание в юридической литературе» [\[15\]](#).

В заключении представляется необходимым отметить, что применение природоподобных технологий в сельском хозяйстве представляет собой перспективное направление его развития, позволяющее совместить достижение целей интенсификации производства с обеспечением высокого уровня охраны окружающей среды. Дальнейшее развитие и внедрение таких технологий позволит решить многие проблемы современного аграрного сектора и обеспечить продовольственную безопасность как отдельных стран, так и всего человечества. При этом процесс совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере не должен отставать от скорости научно-технического прогресса, с одной стороны минимизируя возможные риски, а с другой обеспечивая должную степень свободы научных разработок и оптимизацию процессов их практического внедрения. Отметим, что роль правового регулирования в данном случае является определяющей. В отдельной регламентации нуждаются меры государственной поддержки разработки и внедрения природоподобных технологий как административного, так и финансового характера, а также подготовка специалистов в различных сферах, обладающих необходимыми знаниями и навыками.

Библиография

1. Редникова Т.В. Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации сквозь призму экологических конфликтов // Экологическое право. 2025. № 2.

- C. 29-33. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-2-29-33 EDN: DWBBCZ.
2. Ахмадиев Г.М. Разработка природо-подобной модели для устойчивого развития сельского хозяйства // Агроэкологические аспекты устойчивого развития АПК. Материалы XX международной научной конференции. Часть II. Брянский государственный аграрный университет. 2023. С. 188-193. EDN: CHTFJK.
3. Гусев Е.М. Неизбежность и перспективы использования человечеством стратегии "зеленого земледелия" // Аридные экосистемы. 2019. Т. 25. № 3 (80). С. 3-10. EDN: DZWUGF.
4. Савенков А.Н. Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14-36. DOI: 10.31857/S1026945225010017. EDN: DKCZWS.
5. Баксанский О.Е. От техногенного общества к истокам природоподобных технологий // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 3 (6). С. 6-14. EDN: ZBBSOF.
6. Редникова Т.В. К вопросу о правовом понятии и критериях природоподобных технологий // Юридические исследования. 2025. № 6. С. 27-43. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.75013 EDN: LGLNSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php-id=75013
7. Гулянов Ю.А. Роль природоподобных технологий в формировании экологически сбалансированных агроландшафтов в постцелинных регионах степной зоны России // Вопросы степеведения. 2024. № 2. С. 106-120. DOI: 10.24412/2712-8628-2024-2-106-120. EDN: CURMTO.
8. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов). М., 2019. – 280 с. EDN: OEKEXU.
9. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С. Природоподобные технологии – новые возможности и новые угрозы // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 3-4 (118-119). С. 103-108. EDN: YRNQYF.
10. Агафонов В.Б. Экologo-правовое обеспечение регулирования использования природоподобных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 1. С. 22-30. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.125.1.021-030. EDN: PTPQMZ.
11. Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калиниченко В.Т., Редникова Т.В., Рёрихт А.А. Экологическая политика Европейского Союза в сфере правового регулирования оборота продуктов и продукции // Экологическое право. 2008. № 2. С. 33-37. EDN: JSDBEJ.
12. Бакиева В.Г. Пермакультура – система ведения сельского хозяйства // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2017. С. 221-223. EDN: ZSBBKJ.
13. Свецкий А.В. Применение искусственного интеллекта в сельском хозяйстве // Сельское хозяйство. 2022. № 3. С. 1-12. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.3.39469 EDN: YVZSAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php-id=39469
14. Гусев Е.М. Эволюция технологий в земледелии: от "серых" до "зеленых" // Аридные экосистемы. 2020. Т. 26. № 1 (82). С. 3-12. EDN: CZCAHB.
15. Устюкова В.В. Использование инноваций в сельском хозяйстве как фактор обеспечения продовольственной безопасности (правовой аспект) // NB: Административное право и практика администрирования. 2025. № 3. С. 1-11. DOI: 10.7256/2306-9945.2025.3.76049 EDN: VONFPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php-id=76049
16. Лютых О. No-till: мифы, опыт и наука. АгроФорум. 2020. № 2. С. 22-31. EDN: BWZDWI.
17. Дридигер В.К. Состояние проведения исследований по минимизации обработки почвы и прямому посеву // Сельскохозяйственный журнал. 2019. № S5 (12). С. 1-17.

DOI: 10.25930/0372-3054/001.5.12.2019. EDN: RJUOFV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является комплекс правовых проблем и перспектив, связанных с разработкой, внедрением и регулированием природоподобных технологий в сельском хозяйстве Российской Федерации. Автор сосредотачивается на анализе существующего земельного, экологического и аграрного законодательства, выявляя его пробелы и несоответствия вызовам, порождаемым научно-техническим прогрессом, а также на характеристике природоподобных технологий. Ключевой аспект статьи – поиск правовых механизмов, способных обеспечить интеграцию принципов природоподобия в аграрный сектор для достижения целей продовольственной безопасности государства и устойчивого развития.

Методология исследования автором четко не выделена, однако можно отметить явное применение формально-юридического и сравнительно-правового методов, анализа и синтеза, а также системного подхода к проблеме.

Актуальность темы статьи обоснована автором. Глобальные вызовы – угроза продовольственного кризиса, истощение природных ресурсов и изменение климата – делают крайне важным поиск устойчивых моделей развития сельского хозяйства. Указ Президента РФ № 529 от 18 июня 2024 г., отнесший природоподобные технологии к важнейшим наукоемким сквозным технологиям, придает исследованию особую значимость. Работа актуальна как в теоретическом плане (формирование новой правовой парадигмы), так и в практическом (предложения по совершенствованию законодательства).

Научная новизна статьи заключается в комплексном межотраслевом подходе к правовому регулированию природоподобных технологий в аграрной сфере. Автор концентрируется на правовом ракурсе, формулирует проблему отсутствия точного определения и критериев отнесения технологий к «природоподобным» в российском праве; систематизирует принципы, которым должны соответствовать такие технологии; анализирует пробелы в системе государственной поддержки, в частности, в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства», и выдвигает предложения по его восполнению; рассматривает природоподобные технологии не как альтернативы, а как эволюционное развитие традиционных методов.

Стиль статьи соответствует научному стилю. Текст написан ясным, академическим языком с использованием корректной терминологии. Структура работы логична: от постановки проблемы к анализу текущего правового регулирования, выявлению его недостатков и формулированию предложений по их устранению. Содержательно статья достаточно информативна и отражает целостную картину проблемы. В качестве рекомендации можно предложить автору рассмотреть возможность выделения в отдельный раздел классификации природоподобных технологий в сельском хозяйстве с более детальной правовой характеристикой каждой группы.

Библиография соответствует теме исследования. Автор опирается на современные научные публикации в ведущих научных журналах, что демонстрирует знакомство с актуальным состоянием вопроса. Библиография оформлена в соответствии с требованиями.

Автор косвенно учитывает потенциальные контраргументы. Он признает высокие первоначальные затраты на внедрение природоподобных технологий, но парирует это указанием на долгосрочную экономическую эффективность и экологическую выгоду. Автор отмечает недостаточную изученность некоторых технологий в российских условиях, указывая на необходимость дальнейших исследований. Автор подчеркивает, что природоподобные технологии не отрицают традиционные методы, а развиваются ими, что может снять возражения со стороны консервативно настроенных аграриев.

Выводы статьи логично вытекают из проведенного исследования. Автор обосновывает необходимость скорейшего развития правового регулирования в данной сфере, включая законодательное закрепление понятия и критериев природоподобных технологий.

Статья актуальна для ученых-правоведов, специализирующихся в области аграрного, экологического и земельного права, юристов и законодателей, представителей аграрной науки и бизнеса.

Представленная статья может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Евтеев К.И. Злоупотребление правом на адвокатский запрос: пределы допустимого и ответственность за нарушение // Юридические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76455 EDN: ITESEB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76455

Злоупотребление правом на адвокатский запрос: пределы допустимого и ответственность за нарушение**Евтеев Константин Игоревич**

ORCID: 0009-0002-8865-7981

кандидат юридических наук

преподаватель; кафедра адвокатуры; Московский государственный юридический университет им.
О.Е. Кугафина (МГЮА)
Адвокат; Адвокатская палата города Москвы

123242, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 2

✉ kievteev@msal.ru[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.10.76455

EDN:

ITESEB

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает институт адвокатского запроса как ключевого статусного права адвоката, обеспечивающего реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Статья посвящена анализу правовой природы адвокатского запроса, определению пределов его допустимого использования и выявлению форм злоупотребления данным правом. Исследуются семь критериев правомерности адвокатского запроса, включая связь с оказанием помощи конкретному доверителю, доказательственный характер запрашиваемых сведений, соответствие компетенции адресата и соблюдение адвокатской тайны. Особое внимание уделяется анализу шести основных форм

злоупотребления правом на адвокатский запрос, в том числе направлению запросов вне рамок оказания юридической помощи, использованию запросов для получения правовых разъяснений и дискредитации процессуальных оппонентов. Рассматривается дисциплинарная ответственность адвокатов за нарушения в сфере применения адвокатского запроса. В работе применяются формально-юридический метод для анализа законодательства об адвокатуре, сравнительно-правовой метод при исследовании дисциплинарной практики различных адвокатских палат, а также метод системного анализа для определения критериев разграничения правомерного использования и злоупотребления правом на адвокатский запрос. Научная новизна исследования заключается в комплексной систематизации критериев правомерности адвокатского запроса и классификации форм злоупотребления данным правом с учетом современного законодательства и дисциплинарной практики. Впервые предложена целостная система из семи критериев допустимого использования адвокатского запроса и шести форм злоупотребления им. Сделан вывод о том, что адвокатский запрос представляет собой средство сбора информации для оказания квалифицированной юридической помощи, а не самостоятельный ее вид, что имеет принципиальное значение для определения пределов его использования. Обоснована необходимость соблюдения баланса между обеспечением эффективной защиты прав доверителей и недопущением злоупотреблений, подрывающих доверие к адвокатуре как публичному институту. Установлено, что злоупотребление адвокатским запросом нарушает принцип добросовестности и может повлечь дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса адвоката.

Ключевые слова:

адвокат, адвокатский запрос, злоупотребление правом, дисциплинарная ответственность, добросовестность, адвокатская этика, статусные права адвоката, адвокатская тайна, пределы осуществления права, статус адвоката

Право адвоката собирать сведения, необходимые для оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе путем направления адвокатских запросов, является одним из ключевых статусных прав, обеспечивающих реальную возможность эффективной защиты прав и законных интересов доверителей. Данное право имеет путь и не глубокие, но все же исторические корни, оно было закреплено еще в советском Положении об адвокатуре 1980 года (Закон РСФСР от 20.11.1980 «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР»), а в настоящее время регламентируется подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 и статьей 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре). При этом отдельно отметим, что в Российской империи не существовало самостоятельного института адвокатского запроса, имели место быть лишь процессуальные ходатайства присяжных поверенных в рамках суда.

Однако практика применения адвокатского запроса свидетельствует о наличии серьезных проблем, связанных как с недостаточной эффективностью данного института, так и со случаями его недобросовестного использования. В 2016 году законодатель внес существенные изменения в правовое регулирование адвокатского запроса, дополнив Закон об адвокатуре статьей 6.1, впервые закрепившей легальное определение адвокатского запроса и установившей порядок его направления и рассмотрения. Министерство юстиции Российской Федерации, своим приказом от 14 декабря 2016 года

№ 288 (Приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса») утвердило требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса (далее – Требования), кроме этого, была введена административная ответственность за неправомерный отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу (статья 5.39 КоАП РФ).

В 2023 году XI Всероссийский съезд адвокатов утвердил «Стандарт подготовки и направления адвокатских запросов» (далее – Стандарт), который установил единые требования к порядку реализации адвокатами права на обращение с адвокатскими запросами в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации. Видится, что принятие Стандарта было обусловлено необходимостью упорядочения практики направления адвокатских запросов и предотвращения злоупотреблений рассматриваемым статусным правом.

Исследование проблемы злоупотребления правом на адвокатский запрос обусловлено несколькими факторами. Во-первых, участились случаи направления адвокатских запросов с содержанием, не соответствующим их правовому предназначению, что подрывает доверие к адвокатуре как публичному институту. Во-вторых, органы адвокатского самоуправления сталкиваются с необходимостью привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности за злоупотребления правом на адвокатский запрос, что само по себе требует четкого определения критериев правомерного и неправомерного использования данного института. В-третьих, отсутствие единообразного понимания пределов допустимого использования адвокатского запроса создает правовую неопределенность и препятствует эффективной реализации данного статусного права.

Согласно легальному определению, содержащемуся в пункте 1 статьи 6.1 Закона об адвокатуре, адвокатский запрос представляет собой официальное обращение адвоката по входящим в компетенцию органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи. Указанное определение было воспроизведено, и в некоторой степени детализировано, в пункте 1 Стандарта, который определяет адвокатский запрос как направляемое адвокатом официальное обращение о предоставлении информации (документов и сведений), необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи.

Правовая природа адвокатского запроса определяется его функциональным предназначением, по сути, он является инструментом реализации конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции Российской Федерации). В тоже время мы видим, что адвокатский запрос не может рассматриваться как самостоятельный вид юридической помощи, напротив, он является способом сбора информации, необходимой для ее оказания. Данный постулат имеет принципиальное значение для понимания пределов допустимого использования адвокатского запроса.

Упомянутый ранее Стандарт прямо указывает, что право на получение информации с помощью адвокатских запросов относится к числу прав, предоставляемых адвокату законодательством в целях получения информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи. Это право обеспечивается публичной ответственностью, которая закреплена в статье 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и устанавливает ответственность за

неправомерный отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу.

Отметим, что адвокатский запрос может быть использован применительно к любому виду юридической помощи, предусмотренному пунктом 2 статьи 2 Закона об адвокатуре, с учетом открытого характера перечня, содержащегося в указанной норме. Следовательно, адвокаты вправе направлять запросы как в рамках защиты по уголовным делам, так и при представительстве в гражданском, административном, арбитражном процессе, при оказании консультационной помощи, а также в иных случаях.

Целевое назначение адвокатского запроса заключается в получении строго доказательственной информации, то есть сбора уже имеющихся у адресата адвокатского запроса конкретно определенных сведений, совокупность которых позволит обосновать позицию в интересах доверителя по вопросам, входящим в компетенцию адресата. Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года (Решение Совета Федеральной палаты адвокатов от 24.09.2019, протокол № 5 «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений») и от 8 июля 2021 года (Решение Совета Федеральной палаты адвокатов от 08.07.2021 «Об адвокатском запросе») подчеркивают, что полномочие на использование адвокатского запроса предоставлено лицам, имеющим статус адвоката, исключительно с целью получения информации доказательственного характера.

Следует также учитывать, что адвокатский запрос направляется исключительно в рамках оказания квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю. Это означает, что направление запроса должно быть основано на заключенном соглашении об оказании юридической помощи или на ордере, выданном в случае оказания помощи по назначению. Стандарт прямо запрещает направлять адвокатские запросы вне рамок конкретного поручения на оказание юридической помощи. Более того, согласно абзацу второму пункта 1 статьи 6.1 Закона об адвокатуре, направление адвокатского запроса (адвокатских запросов) не может являться самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи.

Определение же пределов допустимого использования адвокатского запроса имеет принципиальное значение для ограничения правомерной реализации статусного права от его злоупотребления. Законодательство и практика выработали ряд четких критериев, определяющих границы допустимого.

Первым и основополагающим критерием является непосредственная связь адвокатского запроса с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю. Так, адвокатский запрос может быть направлен только в рамках исполнения конкретного поручения, основанного на соглашении об оказании юридической помощи или же ордере. Направление запросов для получения информации общего характера, не связанной с конкретным делом или интересами определенного доверителя, является недопустимым.

Данный критерий нашел прямое отражение в дисциплинарной практике. Например, первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Толчеев М.С., анализируя дисциплинарную практику, касающуюся адвокатского запроса, указал на такой вид нарушений, как направление запроса в качестве самостоятельной услуги, а именно, когда адвокат запрашивает информацию вне рамок оказания юридической помощи, за определенную плату («Дисциплинарная ответственность адвокатов в России

и за рубежом» // «Кутафинские чтения», 24.11.2022). Подобные действия образуют дисциплинарный проступок и могут повлечь применение мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката.

Вторым критерием является строго доказательственный характер запрашиваемых сведений. Заключается он в том, что адвокатский запрос предназначен для истребования необходимых для доказывания позиции в интересах доверителя конкретно определяемых документов и фактических сведений, предоставление которых находится в пределах компетенции адресатов запросов. Использование адвокатского запроса в целях, не связанных со сбором доказательств, является недопустимым.

Из этого критерия вытекает очень важное ограничение, адвокат не вправе использовать адвокатский запрос для получения правовых заключений, разъяснений законодательства или мнений по вопросам правового характера. Решение Совета Федеральной палаты адвокатов от 24 сентября 2019 года указывает на недопустимость выяснения мнения адресатов по толкованию правовых норм с помощью адвокатских запросов. Кроме этого, Министерство юстиции Российской Федерации в письме от 17 ноября 2022 года, направленном президенту Федеральной палаты адвокатов (Письмо и.о. директора Департамента развития и регулирования юридической помощи и правовых услуг Министерства юстиции Российской Федерации №12-133847/22 в адрес Президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации), обратило внимание на участившиеся случаи поступления адвокатских запросов, содержащих вопросы правового или неправового характера, а также истребования адвокатами толкований правовых норм. Министерство подчеркнуло, что подобные запросы не соответствуют положениям действующего законодательства и решениям Федеральной палаты адвокатов, подрывают доверие к адвокатуре как публичному институту гражданского общества, способному добросовестно пользоваться предоставленными правомочиями.

Данное ограничение получило законодательное закрепление в 2024 году, Федеральным законом от 22 апреля 2024 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статья 6.1 Закона об адвокатуре была дополнена подпунктом 4 пункта 4, согласно которому в предоставлении адвокату запрошенных сведений может быть отказано, если в адвокатском запросе содержится просьба о разъяснении правовых норм, представлении позиции по вопросам правового характера.

Третьим критерием является соответствие содержания адвокатского запроса компетенции адресата. Адвокат обязан направлять запросы только по вопросам, входящим в компетенцию соответствующих органов и организаций. Федеральным законом от 22 апреля 2024 года № 83-ФЗ статья 6.1 Закона об адвокатуре была дополнена пунктом 4.1, согласно которому орган государственной власти, орган местного самоуправления, общественное объединение, иная организация или должностное лицо, в компетенцию которых не входит решение вопросов, поставленных в адвокатском запросе, в течение десяти календарных дней со дня получения адвокатского запроса возвращает его адвокату.

Пункт 5 Стандарта устанавливает, что при направлении адвокатского запроса в орган или организацию предварительно необходимо установить наличие оснований полагать, что у адресата есть документы, необходимые адвокату для оказания квалифицированной юридической помощи. Направление запросов в органы и организации, заведомо нерасполагающие запрашиваемой информацией или не имеющие компетенции на ее предоставление, может рассматриваться как злоупотребление правом.

Четвертым критерием является запрет на использование адвокатского запроса фактически для обжалования процессуальных решений или действий должностных лиц. Решение Совета Федеральной палаты адвокатов от 24 сентября 2019 года указывает на недопустимость использования адвокатских запросов в качестве способа обжалования процессуальных решений. Данное ограничение было закреплено законодательно в 2024 году, так, согласно подпункту 4 пункта 4 статьи 6.1 Закона об адвокатуре, в предоставлении адвокату запрошенных сведений может быть отказано, если в адвокатском запросе содержится явная или скрытая жалоба на решение уполномоченного органа (организации) или должностного лица, в отношении которого установлен специальный порядок обжалования.

К пятому критерию относится соблюдение требований законодательства об адвокатской тайне и защите персональных данных. Верховный Суд Российской Федерации в решении по делу от 24.05.2017 № АКПИ17-103 указал, что раскрывать в адвокатском запросе имя доверителя без его согласия означает нарушать закон о персональных данных. Сообщать имя доверителя третьим лицам неправомерно, если иное не установлено законом. Вместе с тем требование о предоставлении реквизитов соглашения или ордера не нарушает адвокатскую тайну, поскольку это не позволяет установить субъекта персональных данных.

Шестым критерием является запрет на использование адвокатского запроса в качестве способа борьбы с оппонентом или для его дискредитации. Первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Толчеев М.С. отмечал, что адвокат может использовать запрос в качестве способа борьбы с оппонентом, как правило, направляя запрос в целях дискредитации оппонента («Дисциплинарная ответственность адвокатов в России и за рубежом» // «Кутафинские чтения», 24.11.2022). Подобные действия являются нарушением принципов профессиональной этики и могут образовывать состав дисциплинарного проступка.

Заключительным, седьмым критерием являются ограничения, связанные с характером запрашиваемой информации. Согласно подпункту 3 пункта 4 статьи 6.1 Закона об адвокатуре в предоставлении адвокату запрошенных сведений может быть отказано, если запрошенные сведения отнесены законом к информации с ограниченным доступом. Адвокат не может получить по адвокатскому запросу информацию, составляющую налоговую, банковскую, врачебную, коммерческую тайну, если иное не предусмотрено законом. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 30 сентября 2004 года № 317-О и в Определении от 29 сентября 2011 года № 1063-О-О, разъяснил соотношение права на адвокатский запрос с различными видами охраняемой законом тайны.

Вместе с тем в отношении некоторых категорий сведений с ограниченным доступом законодательство может предусматривать возможность их предоставления адвокату. Так, адвокат-защитник в уголовном судопроизводстве имеет право собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе получать доступ к материалам, содержащим данные предварительного расследования, в случаях и порядке, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Видится, что представленные семь критериев правомерности адвокатского запроса формируют комплексную систему требований, направленную на предотвращение злоупотреблений и обеспечение эффективного функционирования данного института. Их соблюдение не только защищает адвокатов от дисциплинарной ответственности, но и способствует поддержанию доверия к адвокатуре как публичному институту

гражданского общества.

Анализ дисциплинарной практики, научных исследований и позиций органов адвокатского самоуправления позволяет выделить основные формы злоупотребления правом на адвокатский запрос.

Первой и наиболее распространенной формой злоупотребления является направление адвокатского запроса вне рамок оказания квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю. Как отмечалось выше, Толчеев М.С. указывал на случаи, когда направление запроса представляет собой самостоятельную услугу, а именно, когда адвокат запрашивает информацию вне рамок оказания юридической помощи, за определенную плату. Подобная практика получила весьма условное название «продажа адвокатских запросов».

Данная форма злоупотребления является грубым нарушением Закона об адвокатуре, поскольку противоречит запрету, установленному абзацем вторым пункта 1 статьи 6.1, согласно которому направление адвокатского запроса (адвокатских запросов) не может являться самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи. Систематическое направление запросов в качестве самостоятельной услуги может повлечь применение строгих мер дисциплинарной ответственности, включая прекращение статуса адвоката на основании подпункта 2.1 пункта 17 Закона об адвокатуре.

Второй формой злоупотребления является использование адвокатского запроса для получения правовых разъяснений, толкований законодательства или мнений адресатов по вопросам правового характера. Толчеев М.С. отмечал, что в подобных запросах отсутствует просьба об истребовании сведений, необходимых для доказывания при работе по делу, а содержится лишь требование о правовом разъяснении. Министерство юстиции Российской Федерации указывало на систематически возникающие случаи направления адвокатами адвокатских запросов для получения мнений адресатов запросов по вопросам правового или неправового характера, а также истребования адвокатами толкований правовых норм.

Данная форма злоупотребления противоречит целевому назначению адвокатского запроса, который предназначен для получения конкретных фактических сведений и документов, а не для получения юридических консультаций от государственных органов и организаций. Законодательное закрепление запрета на такие запросы в подпункте 4 пункта 4 статьи 6.1 Закона об адвокатуре свидетельствует о распространенности данного вида злоупотреблений и необходимости их пресечения.

К третьей форме злоупотребления является использование адвокатского запроса в качестве способа борьбы с процессуальным оппонентом или для его дискредитации. Адвокат может направлять запросы в надзорные и контролирующие органы с целью инициирования проверок в отношении противоположной стороны, ее представителей или иных лиц, вовлеченных в спор. Такие действия не направлены на получение информации, необходимой для защиты интересов доверителя, а преследуют лишь цель оказания давления на оппонента или причинения ему неудобств.

Подобное использование адвокатского запроса противоречит принципам профессиональной этики адвоката. Согласно пункту 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, активно защищать права, свободы и интересы

доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами. Использование адвокатского запроса для дискредитации оппонента не может рассматриваться как добросовестное осуществление профессиональных обязанностей.

Четвертой формой злоупотребления является формулирование адвокатского запроса таким образом, что он позволяет адвокату получить неправомерный доступ к информации с ограниченным доступом или к информации, не имеющей отношения к делу доверителя. Например, Толчеев М.С. указывал на случаи, когда запрос сформулирован таким образом, что позволяет адвокату получить неправомерный доступ к информации.

Данная форма злоупотребления может выражаться в различных действиях:

- направление запросов о предоставлении информации, составляющей охраняемую законом тайну, без наличия законных оснований для ее получения;
- запрашивание информации о лицах, не являющихся доверителями адвоката и не имеющих отношения к делу;
- формулирование запросов таким образом, чтобы под видом получения необходимых сведений получить доступ к массиву информации, выходящей за пределы предмета поручения.

Пятой формой злоупотребления является использование адвокатского запроса фактически в качестве средства обжалования действий (бездействия) или решений должностных лиц, органов и организаций. Адвокат может формулировать запрос таким образом, что вместо запрашивания конкретных сведений фактически выражает несогласие с теми или иными процессуальными решениями, требует их пересмотра или изменения, ставит под сомнение законность действий должностных лиц.

Подобное использование адвокатского запроса подменяет установленный законом порядок обжалования и может создавать препятствия для нормальной деятельности органов и организаций. Законодательное закрепление запрета на направление запросов, содержащих явную или скрытую жалобу на решение уполномоченного органа (организации) или должностного лица, в отношении которого установлен специальный порядок обжалования, призвано предотвратить данную форму злоупотреблений.

Шестой формой злоупотребления (формой ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей) является систематическое несоблюдение установленных законодательством требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса. Закон об адвокатуре предусматривает возможность прекращения статуса адвоката при систематическом несоблюдении установленных законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу (подпункт 2.1 пункта 2 статьи 17). Это свидетельствует о том, что законодатель рассматривает систематические нарушения формальных требований к адвокатскому запросу как серьезное профессиональное нарушение, которое может повлечь прекращение статуса адвоката.

К нарушениям формальных требований могут относиться:

- отсутствие обязательных реквизитов, предусмотренных пунктом 5 Требований;
- неправильное оформление запроса;
- направление запроса ненадлежащему адресату;

- несоблюдение порядка направления запроса.

Таким образом, все формы злоупотребления правом на адвокатский запрос объединяет нарушение принципа добросовестности, который является основополагающим в адвокатской деятельности. Кодекс профессиональной этики адвоката в статье 5 закрепляет принцип добросовестности как один из основных принципов, которыми должен руководствоваться адвокат. Так, статья 8 Кодекса обязывает адвоката при осуществлении адвокатской деятельности честно, разумно и добросовестно исполнять обязанности.

Пункт 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо устанавливает: «Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката». Данное положение имеет универсальный характер и распространяется на все виды деятельности адвоката, включая использование статусных прав, в том числе права на направление адвокатских запросов.

Совет Федеральной палаты адвокатов в решении от 24 сентября 2019 года указал, что следует исходить из добросовестности адвокатов, пока обратное не доказано в рамках дисциплинарного производства. Это означает, что презумпция добросовестности распространяется и на использование адвокатами права на адвокатский запрос. Только адвокат и его доверитель (подзащитный) знают, с какой целью требуют те или иные сведения, поэтому отвергнуть запрос по формальным признакам нельзя. Вместе с тем данная презумпция может быть опровергнута в установленном порядке при наличии доказательств недобросовестного использования адвокатом права на адвокатский запрос.

Принцип добросовестности в контексте использования адвокатского запроса предполагает, что адвокат должен направлять запросы исключительно в интересах доверителя, для получения информации, действительно необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи, соблюдая при этом установленные законом требования и не используя данное право в целях, противоречащих его назначению. Добросовестность требует от адвоката соблюдения баланса между эффективной защитой интересов доверителя и уважением прав и законных интересов других лиц, в совокупности с недопущением злоупотреблений, которые могут подорвать доверие к адвокатуре.

Система ответственности за злоупотребление правом на адвокатский запрос включает в себя:

- дисциплинарную ответственность самого адвоката;
- административную ответственность за неисполнение законных требований, связанных с адвокатским запросом.

Основным видом ответственности адвоката за злоупотребление правом на адвокатский запрос является дисциплинарная ответственность, порядок применения которой регламентирован статьями 18-26 Кодекса профессиональной этики адвоката. Пункт 1 статьи 18 Кодекса устанавливает, что нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности.

Поводами для возбуждения дисциплинарного производства, согласно статье 20 Кодекса

профессиональной этики адвоката, являются:

- жалоба, поданная в адвокатскую палату другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем;
- представление, внесенное в адвокатскую палату вице-президентом адвокатской палаты либо лицом, его замещающим;
- представление, внесенное в адвокатскую палату органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры;
- обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты.

В 2022 году, тогда еще Президент Федеральной палаты адвокатов, Пилипенко Ю.С., комментируя проблему злоупотреблений адвокатским запросом, выразил обеспокоенность большим числом нарушений, связанных с адвокатскими запросами, и сообщил, что будет возбуждать дисциплинарные производства в случаях, когда ему станет известно о злоупотреблениях институтом адвокатского запроса. Данное заявление свидетельствует о том, что адвокатское сообщество рассматривает злоупотребления адвокатским запросом как серьезное нарушение, требующее адекватной реакции со стороны органов адвокатского самоуправления.

Меры дисциплинарной ответственности, которые могут быть применены к адвокату за злоупотребление правом на адвокатский запрос, включают в себя замечание, предупреждение и прекращение статуса адвоката. При этом, выбор меры дисциплинарной ответственности зависит от характера совершенного нарушения, степени его общественной опасности, наступивших последствий, формы вины адвоката и иных обстоятельств.

Как уже отмечалось, Закон об адвокатуре предусматривает возможность прекращения статуса адвоката при систематическом несоблюдении установленных законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу (подпункт 2.1 пункта 2 статьи 17). Данное основание было введено Федеральным законом от 2 июня 2016 года № 160-ФЗ одновременно с закреплением в Законе об адвокатуре статьи 6.1, посвященной адвокатскому запросу. Это свидетельствует о том, что законодатель рассматривает системные нарушения в сфере применения адвокатского запроса как серьезное профессиональное нарушение, несовместимое со статусом адвоката.

Рассматривая дисциплинарную практику на примере некоторых адвокатских палат, можно сделать вывод о наличии примеров привлечения адвокатов к ответственности за нарушения, связанные с адвокатским запросом. Анализ дисциплинарной практики показывает, что к дисциплинарной ответственности привлекаются адвокаты, которые направляют запросы вне рамок оказания юридической помощи, используют запросы для получения правовых разъяснений, применяют запросы в качестве средства борьбы с оппонентом, систематически нарушают требования к форме и содержанию запроса (Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Республики Дагестан за второе полугодие 2020 года; Дисциплинарная практика Адвокатской палаты Пермского края за второе полугодие 2024 года).

При этом важно подчеркнуть, что дисциплинарная ответственность наступает не за любую ошибку при формулировании или направлении адвокатского запроса, а только за виновные действия (бездействие), совершенные умышленно или по грубой

неосторожности. Судебная практика исходит из того, что суды при рассмотрении споров о признании незаконными решений о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности не могут пересматривать фактические обстоятельства, которые были установлены квалификационной комиссией в ходе дисциплинарного производства. Однако суды проверяют соблюдение процедуры дисциплинарного производства и соразмерность примененной меры дисциплинарной ответственности характеру совершенного нарушения (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2022 по делу №88-28249/2022, Апелляционное Определение Московского городского суда от 14.03.2023 по делу №33-9551/2023).

Тем не менее, несмотря на принятие Стандарта подготовки и направления адвокатских запросов, а также внесение изменений в законодательство, на сегодняшний день сохраняется проблема правовой неопределенности критериев разграничения правомерного использования адвокатского запроса и злоупотребления данным правом. Решения о наличии или отсутствии злоупотребления принимаются органами адвокатского самоуправления и судами на основе оценки совокупности обстоятельств конкретного дела, что может приводить к различным результатам в схожих ситуациях.

Данная проблема является общей для всех случаев применения конструкции злоупотребления правом. Еще классик французской цивилистики М. Пляниоль отмечал, что само словосочетание «злоупотребление правом» является нонсенсом, поскольку: «право прекращается там, где начинается злоупотребление» [\[1\]](#). Однако практическая потребность в данной конструкции является абсолютно объективной, и представляется, что задача законодателя и правоприменителя состоит в максимально четком определении критериев, позволяющих ограничить правомерное осуществление права от его злоупотребления.

Подводя итог, отметим, что адвокатский запрос является важнейшим инструментом реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Правовая природа адвокатского запроса определяется его функциональным предназначением, и заключается в том, что он представляет собой средство сбора информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи, а никак не самостоятельный ее вид. Данное обстоятельство имеет крайне принципиальное значение для определения пределов допустимого использования адвокатского запроса. Пределы же его использования определяются необходимостью связи с конкретным делом доверителя, доказательственным характером запрашиваемых сведений, соответствием компетенции адресата, защитой адвокатской тайны и недопустимостью использования запроса для дискредитации оппонента.

Злоупотребления включают направление запросов вне рамок помощи доверителю, запрос правовых разъяснений вместо фактов, использование для борьбы с оппонентом или как средства обжалования. За это предусмотрена дисциплинарная ответственность от замечания до прекращения статуса адвоката. Особо следует отметить, что законодатель рассматривает систематическое несоблюдение установленных требований к адвокатскому запросу как основание для прекращения статуса адвоката.

Видится, что совершенствование правового регулирования института адвокатского запроса должно осуществляться с учетом необходимости соблюдения баланса между двумя важными целями, а именно обеспечением реальной возможности эффективной защиты прав и законных интересов доверителей путем предоставления адвокатам действенного инструмента получения необходимой информации, и недопущением злоупотреблений данным правом, которое подрывает доверие к адвокатуре как

публичному институту гражданского общества. Адвокатское сообщество должно активно противодействовать случаям недобросовестного использования адвокатского запроса, поскольку такие случаи дискредитируют всю адвокатуру и создают предпосылки для введения дополнительных ограничений, которые могут затруднить реализацию данного статусного права добросовестными адвокатами.

Исследование позволило сделать вывод о том, что принципиальное значение имеет соблюдение адвокатами требований профессиональной этики при использовании права на адвокатский запрос. Адвокат должен использовать данное право исключительно в интересах доверителя, для получения информации, действительно необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи, не допуская злоупотреблений и соблюдая установленные законом требования. Только при таком подходе институт адвокатского запроса будет эффективно выполнять свою функцию и способствовать реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Библиография

1. Пляниоль, М. Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах / Марсель Пляниоль; перевод с французского В. Ю. Гартмана. – Петроков: издание типографии С. Панского, 1911. – XXIV, 504 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации: вызовы национальной идентичности и институциональные стратегии адаптации // Юридические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76156 EDN: ECYUBY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76156

Адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации: вызовы национальной идентичности и институциональные стратегии адаптации**Поярков Сергей Юрьевич**

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

 psu70@bk.ru[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.10.76156

EDN:

ECYUBY

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Аннотация: Современные миграционные процессы представляют собой не только демографический, но и глубокий конституционно-правовой вызов, ставя под вопрос традиционные представления о национальной идентичности, суверенитете и правовом статусе личности. В условиях роста численности и качественной трансформации миграционных потоков классическая модель конституционализма, основанная на гомогенности правового сообщества, теряет свою адекватность. Особенно остро эта проблема проявляется в государствах с недавно реконструированными конституционными системами, где процессы госстроительства и оформления идентичности протекают параллельно с интенсивной миграцией. Возникающее напряжение между универсалистскими нормами международного права и национальными конституционными устоями требует переосмыслиения роли конституции как инструмента управления социальной сложностью. Предметом исследования

выступает содержание, функции и институциональные проявления адаптивного конституционализма в контексте миграционной трансформации, включая его потенциал как теоретико-нормативного ответа на вызовы национальной идентичности. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой и сравнительно-правовой анализ. Используются также методы системного анализа нормативных актов и судебной практики, а также сравнительного изучения международных и региональных стандартов в области миграции. Научная новизна работы заключается в системном развитии концепта «адаптивного конституционализма» в российской и международной доктрине как динамической модели, способной к институциональной и содержательной эволюции под воздействием миграционных вызовов. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих конституцию как статичный документ, предложенная модель акцентирует её диалогичность, гибкость толкования и ориентацию на включение неграждан в правовое сообщество. Исследование вносит вклад в теорию правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией, что особенно актуально для постсоветского пространства. Выявлено, что успешная адаптация конституционных систем к миграции невозможна без баланса между правами мигрантов и сохранением конституционного ядра, а также без институционализации требований «конституционной лояльности». Наиболее эффективными являются стратегии, сочетающие инклузивность с чёткими правовыми рамками, как в канадской модели мультикультурализма или германской модели конституционного патриотизма. В российском контексте отмечается недостаточная разработанность механизмов реальной интеграции и риск инструментализации конституционной идентичности в целях легитимации ограничительной миграционной политики.

Ключевые слова:

адаптивный конституционализм, миграционная трансформация, национальная идентичность, конституционная идентичность, конституционная лояльность, правовой плюрализм, интеграция мигрантов, конституционный патриотизм, мультикультурализм, правовой статус мигрантов

Введение

Современные миграционные процессы представляют собой не просто демографическое явление, но фундаментальный вызов традиционным конституционным парадигмам, основанным на предпосылке гомогенности национального правового и культурного пространства. Глобализация, вооружённые конфликты, экономическая нестабильность и климатические кризисы порождают беспрецедентные по масштабу перемещения населения, которые трансформируют не только социальную и этническую структуру принимающих государств, но и само понимание суверенитета, гражданства и правового статуса личности. В этих условиях всё более очевидным становится напряжение между универсалистскими нормами международного права, закрепляющими права мигрантов как неотъемлемую часть прав человека, и национальными конституционными устоями, ориентированными на защиту исторически сложившихся ценностей, идентичности и общественного порядка. В этой связи конституция перестаёт быть исключительно внутренним актом государства и вступает в диалог с транснациональными правовыми

реальностями, что требует переосмыслиния её роли как инструмента не только легитимации власти, но и управления социальной сложностью. Эта дилемма особенно остро проявляется в государствах с недавно сформированными или реконструированными конституционными системами, где процесс конституционного оформления национальной идентичности ещё не завершён, а миграционное давление оказывает прямое влияние на политическую стабильность и правовую культуру.

Актуальность темы обусловлена не только ростом численности мигрантов, но и качественным изменением характера миграции: всё чаще речь идёт о длительных или постоянных перемещениях, сопровождающихся запросами на интеграцию, признание культурных особенностей и участие в общественной жизни. В такой ситуации классический конституционализм, основанный на идее «народа как единого носителя суверенитета», сталкивается с необходимостью инкорпорировать в правовую систему субъектов, не обладающих формальным гражданством, но де-факто участвующих в социальных и экономических процессах. Как подчёркивает немецкий конституционалист D. Grimm, конституция больше не может рассматриваться как замкнутая система, защищающая внутреннюю стабильность от внешних угроз; она должна стать инструментом регуляции взаимодействия между внутренним и внешним [\[1\]](#). Эта трансформация требует не просто технической адаптации норм, но концептуального пересмотра основ конституционной теории, включая категории народного суверенитета, правового статуса личности и пределов правового плюрализма.

Научная новизна настоящего исследования заключается в системном развитии в российской и международной конституционно-правовой доктрине концепта «адаптивного конституционализма» как теоретико-нормативного ответа на вызовы, порождаемые, в том числе, и миграционной трансформацией. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих конституцию как статичный документ, фиксирующий раз и навсегда установленный общественный договор, адаптивный конституционализм понимается как динамическая модель, способная к институциональной и содержательной эволюции под воздействием внешних и внутренних факторов, включая миграционные потоки [\[2\]](#). В российской доктрине подобный подход до сих пор не получил достаточного теоретического обоснования, несмотря на очевидную практическую потребность в нём, особенно в контексте масштабной трудовой миграции из стран СНГ и растущих социальных трений в полиэтнических регионах. Исследование также вносит вклад в развитие теории правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией, что особенно актуально для постсоветского пространства, где процессы нациестроительства и конституционного оформления идентичности протекают параллельно с интенсивными миграционными обменами.

Цель статьи состоит в выявлении содержания, функций и институциональных проявлений адаптивного конституционализма в условиях миграционной трансформации. Для достижения этой цели формулируются следующие задачи: во-первых, определить сущность и эволюцию адаптивного конституционализма как конституционно-правовой категории, выделив его отличия от смежных понятий, таких как «живая конституция» или «эволюционный конституционализм»; во-вторых, проанализировать влияние миграции на формирование и репродукцию национальной и конституционной идентичности, включая роль конституционных судов в интерпретации ценностного ядра; в-третьих, выявить

институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам, сопоставив опыт России, государств Европейского союза и отдельных национальных правопорядков (в частности, Германии и Франции); в-четвёртых, сформулировать теоретико-практические рекомендации по обеспечению баланса между правами мигрантов и сохранением конституционного ядра, опираясь на анализ судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека и национальных конституционных судов.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, элементы социологического исследования правосознания и доктринальную интерпретацию. Кроме того, используется анализ международных и региональных стандартов в области миграции, включая Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990), Европейскую миграционную повестку и региональные соглашения в рамках СНГ. Такой комплексный подход позволяет не только выявить общие тенденции, но и учесть специфику правовых культур, что особенно важно при рассмотрении вопросов, затрагивающих основы национальной идентичности и суверенитета.

Адаптивный конституционализм: теоретические основания и эволюция концепта

Классический конституционализм, сформировавшийся в эпоху Просвещения и закрепившийся в правовых системах XIX–XX веков, строился на трёх фундаментальных постулатах: стабильности конституционного текста как высшей формы выражения воли нации, иерархической структуре правовой системы с конституцией на её вершине и национальном суверенитете как исключительном источнике легитимности правопорядка. В рамках этой модели конституция выступала не просто юридическим актом, но символом национального единства, закрепляющим исторически сложившиеся ценности и определяющим границы правового сообщества. Как подчёркивал С. Schmitt, конституция есть выражение политического единства народа [3, с.79], а её нормы призваны защищать это единство от внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Такой подход предполагал чёткое разграничение между «своими» и «чужими», где правовой статус последних, включая мигрантов, ограничивался минимальными гарантиями, предусмотренными международным правом, но не включал их в конституционное тело на равных основаниях.

Однако с конца XX века эта модель столкнулась с системным кризисом, вызванным глобализацией, трансграничной мобильностью населения и ростом культурного плюрализма. Миграционные потоки перестали быть эпизодическими и начали оказывать структурное влияние на демографический состав, социальные практики и правосознание принимающих обществ. В этих условиях закрытая конституционная модель, ориентированная на гомогенность и статичность, оказалась неспособной адекватно реагировать на вызовы, связанные с необходимостью интеграции социально и культурно разнородных групп без размывания конституционных основ. При этом следует признать, что традиционная концепция народного суверенитета, основанная на идее моноэтнической или моноидентичной нации, теряет свою эмпирическую обоснованность

в условиях полиэтнической и поликонфессиональной реальности современных государств.

В ответ на эти вызовы в доктрине и судебной практике всё чаще возникает потребность в новой концептуальной модели, способной сочетать устойчивость конституционного ядра с гибкостью его интерпретации и применения. Именно в этом контексте формируется идея адаптивного конституционализма — как открытой, рефлексивной и диалогичной системы, способной к институциональному самообновлению без утраты своей идентичности. В отличие от классического подхода, который рассматривает конституцию как неподвижный фундамент, адаптивный конституционализм понимает её как динамическую структуру, постоянно взаимодействующую с изменяющейся социальной средой. Эта модель не отрицает суверенитет или иерархию, но переосмысливает их через призму включения и взаимодействия. Как отмечает канадский конституционалист D. Dyzenhaus, современная конституция должна быть способна не только защищать, но и трансформироваться — не в угоду политической конъюнктуре, а в ответ на глубинные социальные изменения (включая миграцию) [4]. Следовательно, конституционная система должна обладать способностью к "социальной ассимиляции" новых групп, не теряя при этом своей нормативной целостности. Такое понимание позволяет преодолеть ложную альтернативу между «жёсткой» защитой национальных ценностей и «мягким» уступательством универсалистским требованиям, предлагая вместо этого механизм сбалансированной адаптации.

Содержание адаптивного конституционализма раскрывается через совокупность его признаков, которые отличают его от других моделей конституционного развития. Прежде всего, это гибкость интерпретации конституционных норм, которая не сводится к произвольному толкованию, а осуществляется в рамках строгой правовой методологии, учитывающей как внутреннюю систему конституции, так и внешние правовые обязательства государства. Второй признак — диалогичность, то есть способность конституционной системы вступать в конструктивное взаимодействие с международными, наднациональными и даже негосударственными нормативными системами. Эта черта особенно ярко проявляется в практике Европейского суда по правам человека, который, как показывает анализ решений по делам «Hirsi Jamaa and Others v. Italy» (2012) и «M.S.S. v. Belgium and Greece» (2011), последовательно расширяет сферу применения прав мигрантов, требуя от государств-участников Конвенции учитывать гуманитарные аспекты миграционной политики. Третий признак — ориентация на включение, а не только на исключение. В отличие от традиционных моделей, где мигранты рассматриваются как временные «гости» или «угроза», адаптивный конституционализм признаёт их как субъектов правового порядка, чьё участие в общественной жизни может быть институционализировано через механизмы локального самоуправления, трудового права или культурной автономии. Наконец, четвёртый признак — институциональная способность к самообновлению без утраты идентичности. Это означает, что изменения в конституционной практике не должны подрывать основополагающие ценности, такие как верховенство права, недопустимость дискриминации или защита человеческого достоинства, но могут модифицировать способы их реализации в зависимости от социального контекста.

Адаптивный конституционализм тесно связан с рядом смежных концептов, однако

обладает собственной теоретической спецификой. Так, концепция «живой конституции», разработанная в американской доктрине (в частности, О. W. Holmes и позднее L.Tribe [5]), делает акцент на эволюции смысла конституционных норм через судебное толкование, но не всегда учитывает внешние (международные) источники правовой трансформации. Адаптивный конституционализм, напротив, включает в себя не только внутреннюю эволюцию, но и реакцию на транснациональные вызовы. Конституционный плюрализм, развиваемый такими авторами, как N. Walker [6] и M Kumm [7], подчёркивает существование множества правовых порядков, но не всегда предлагает механизмы их согласования на уровне национальной конституции. Адаптивный подход, в свою очередь, стремится к интеграции плюрализма в единую, хотя и гибкую, конституционную систему. Глобальный конституционализм, предложенный А. Peters [8], фокусируется на взаимодействии конституций разных государств, тогда как адаптивный конституционализм ориентирован преимущественно на внутреннюю трансформацию национальной конституции под влиянием внешних факторов. Таким образом, концепция адаптивного конституционализма позволяет преодолеть дилемму между универсализмом прав человека и национальным суверенитетом, предлагая не компромисс, а синтез через гибкие механизмы правового регулирования, сохраняющие конституционное ядро, но допускающие дифференцированные формы участия неграждан в правовой жизни.

Миграционная трансформация как вызов национальной и конституционной идентичности

Миграция перестала быть лишь фактором трудового рынка или демографической компенсации и превратилась в мощный агент правовой и социальной трансформации, непосредственно воздействующий на структуру конституционного порядка. Современные миграционные потоки, особенно из стран с иными культурными, религиозными и правовыми традициями, порождают глубокие изменения в демографическом составе общества, что влечёт за собой трансформацию социальных норм, повседневных практик и, в конечном счёте, правосознания. На начало 2025 года в России находилось свыше 6,5 млн иностранцев, примерно десятая часть из них — нелегалы [9]. При этом значительная часть мигрантов прибывает из государств Центральной Азии, где доминируют исламские культурные коды. Подобные сдвиги неизбежно ставят вопрос о совместимости традиционных конституционных ценностей принимающего общества с практиками и убеждениями новых членов правового сообщества.

Особенно остро эта проблема проявляется в возникновении так называемых «параллельных правовых порядков» — неформальных систем нормативного регулирования, функционирующих внутри мигрантских общин и основанных на религиозных или обычных нормах. Ярким примером являются шариатские советы в Великобритании и Германии, которые, не обладая юридической силой, фактически разрешают семейные, имущественные и даже уголовные споры в рамках исламского права. Хотя такие практики формально не противоречат национальному законодательству, если не нарушают публичного порядка, они создают риски фрагментации правового пространства и подрывают монополию государства на правоприменение. Полагаем, что признание культурного многообразия не должно

приводить к легитимации норм, противоречащих основополагающим принципам прав человека, закреплённым в конституции. В российском контексте подобные явления пока носят локальный характер, однако в регионах с высокой концентрацией мигрантов, таких как Москва, Санкт-Петербург или Краснодарский край, уже фиксируются случаи обращения к неформальным арбитражам на основе этнических или религиозных норм, что требует внимания со стороны правоприменительных органов и конституционной доктрины.

Одним из ключевых вызовов, порождаемых миграцией, становится проблема «конституционной лояльности» [\[10\]](#) — категории, означающей готовность индивида признавать и соблюдать основные принципы конституционного строя, даже если они противоречат его личным убеждениям. В отличие от традиционного понятия лояльности, связанного с гражданством, конституционная лояльность распространяется и на неграждан, поскольку именно она обеспечивает минимальную степень правовой интеграции в конституционное сообщество. Однако требование такой лояльности сталкивается с трудностями операционализации: как измерить готовность мигранта к признанию светского характера государства, равенства полов или недопустимости дискриминации по признаку сексуальной ориентации, если эти принципы отсутствуют или прямо отвергаются в его культурной традиции? В Германии эта проблема была формализована через введение обязательных «курсов интеграции», включающих тестирование знаний Grundgesetz (Основного закона), однако эффективность такого подхода остаётся предметом дискуссии. Российская практика, напротив, пока не содержит чётких механизмов оценки конституционной лояльности, ограничиваясь формальными требованиями к знанию языка и истории, что не обеспечивает глубинной интеграции мигрантов в конституционное пространство России [\[11, с.11\]](#).

Под давлением миграционных процессов конституционная идентичность — категория, введённая в оборот европейской доктриной и получившая развитие в решениях Конституционного Суда РФ (Впервые оно было использовано в постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 года № 21-П, а затем в постановлении от 16 апреля 2016 г.) — всё чаще становится объектом политической инструментализации. Первоначально понимаемая как совокупность неизменяемых ценностей, составляющих «ядро» конституционного строя, она постепенно трансформируется из правовой категории в инструмент мобилизации общественного мнения и легитимации ограничительной миграционной политики. Восприятие миграции как «культурной инвазии», распространённое в дискурсе правых популистских партий в Европе и активно транслируемое в некоторых российских медиа, способствует формированию образа мигранта как угрозы национальной идентичности.

Этот дискурс находит своё отражение в законодательных инициативах и судебной практике. Так, во Франции запрет на ношение религиозных символов, включая хиджаб, в государственных школах, закреплённый Законом от 15 марта 2004 года, мотивировался необходимостью защиты светского характера образования как элемента национальной идентичности. Аналогичным образом, в Швейцарии на референдуме 2009 года был принят запрет на строительство новых минаретов, что Конституционный суд страны, несмотря на критику со стороны ЕСПЧ, сочёл совместимым с принципами демократии и национальной идентичности. В России дискуссии о «традиционных духовно-нравственных

ценностях», закреплённых в преамбуле Конституции РФ в результате поправок 2020 года, также используются для обоснования ограничений в отношении мигрантов, чьи культурные практики рассматриваются как несовместимые с этими ценностями. Как следствие, конституционная идентичность рискует превратиться в идеологический экран для дискриминационных мер, если её содержание не будет строго связано с универсальными конституционными принципами, а не с политически конъюнктурными представлениями о «народном духе».

Эти процессы порождают острые правовые коллизии, в которых сталкиваются фундаментальные конституционные принципы. Первая из них — конфликт между правом на свободу совести и религиозные убеждения, с одной стороны, и принципом светскости государства — с другой. В деле «S.A.S. v. France» (2014) Европейский суд по правам человека признал совместимым с Конвенцией запрет на ношение никаба в общественных местах, сославшись на необходимость «жизни в обществе» и защиту прав других лиц, однако это решение вызвало резкую критику со стороны правозащитных организаций и ряда судей ЕСПЧ, указавших на дискриминационный эффект такого запрета. Вторая коллизия возникает между правом на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека) и требованиями миграционного контроля. Практика многих государств, включая Россию, предусматривает строгие ограничения на воссоединение семей мигрантов, особенно в случае нелегального пребывания одного из супругов. Третья коллизия — напряжение между принципом равенства и требованиями культурной дифференциации. С одной стороны, конституции большинства демократических государств запрещают дискриминацию по признаку происхождения или вероисповедания; с другой — признание культурного многообразия может требовать предоставления особых прав или исключений для отдельных групп. В этом контексте особенно актуален вопрос о том, допустимо ли, например, применение гибких подходов к трудовому праву в отношении мигрантов, соблюдающих религиозные предписания (например, отказ от работы в определённые дни или ограничения в отношении смешанного общения полов). Как показывает анализ практики Верховного суда Великобритании по делу «Begum v. Headteacher and Governors of Denbigh High School» (2006), даже в государствах с развитой доктриной мультикультурализма границы культурной дифференциации строго ограничены интересами общественного порядка и прав других лиц. В российской правовой системе подобные вопросы пока не получили системного разрешения, что создаёт правовую неопределенность и риски произвольного правоприменения.

Институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам

Одной из центральных институциональных фигур в процессе адаптации конституционных систем к миграционным вызовам выступают конституционные (верховные) суды, которые всё чаще берут на себя функцию не только толкователей, но и архитекторов конституционного компромисса между правами мигрантов и сохранением основ национального правопорядка. В условиях, когда законодательная власть склонна к популистским ограничениям, а исполнительная — к усилинию миграционного контроля, судебная власть становится ключевым гарантом баланса. Особенно показательна в этом контексте практика так называемого «конституционного диалога» — стратегии, при

которой национальные суды сознательно вступают в интерпретационное взаимодействие с международными органами, в первую очередь с Европейским судом по правам человека и Комитетом ООН по правам всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Такой диалог не предполагает слепого следования международным решениям, но предполагает их критическое усвоение в рамках национальной конституционной системы. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 октября 2022 г. N 41-П, касающемся ограничений на въезд и выезд из России иностранных граждан, суд подчеркнул необходимость индивидуализированного подхода к оценке миграционных рисков и недопустимость автоматических запретов, нарушающих право на уважение семейной жизни. Подобные решения демонстрируют, что КС РФ, несмотря на декларируемый приоритет национального законодательства, всё чаще использует международные стандарты как инструмент сдерживания чрезмерного административного усмотрения. В то же время Суд последовательно отстаивает границы конституционного порядка, отказывая, например, в признании права на получение гражданства как безусловного конституционного права (Определение от 11 февраля 2021 г. N 183-О), что отражает его стремление к сохранению суверенитета в вопросах определения состава политического сообщества.

Важнейшим методологическим инструментом, позволяющим конституционным судам осуществлять такую балансировку, становится разработка и применение тестов пропорциональности и «конституционной совместимости». Тест пропорциональности [12], заимствованный из германской конституционной доктрины и адаптированный в российской практике, требует от законодателя и администрации обоснования любой меры, ограничивающей права мигрантов, по трём критериям: пригодности (пригодна ли мера для достижения заявленной цели), необходимости (нет ли менее ограничительной альтернативы) и соразмерности в узком смысле (не превышает ли ущерб от ограничения допустимого предела). Понятие «конституционной совместимости», в свою очередь, используется для оценки того, насколько иностранные правовые нормы или практики могут быть инкорпорированы в национальную систему без ущерба для её основ. Этот подход особенно актуален при рассмотрении вопросов, связанных с признанием иностранных судебных актов или религиозных обычаев.

Помимо судебной власти, адаптация конституционных систем к миграции осуществляется через законодательные и административные механизмы, направленные на управление процессами интеграции. Наиболее распространённой формой являются интеграционные программы, включающие обязательные курсы языка, истории и конституционных основ. В Германии такие курсы были введены в 2005 году в рамках Закона об иммиграции и стали обязательным условием получения вида на жительство. Аналогичные программы существуют в Нидерландах, Франции и Канаде, однако их содержание и степень обязательности варьируются. В России подобные меры носят фрагментарный характер: с 2015 года иностранные граждане обязаны сдавать экзамены по русскому языку, истории и основам законодательства РФ для получения разрешения на временное проживание, однако, как уже было указано, эффективность этих экзаменов в плане реальной интеграции остаётся низкой из-за формального подхода к подготовке и отсутствия последующей поддержки. Второй важный механизм — градуированные режимы правового статуса, предполагающие поэтапное расширение прав мигранта по мере его

интеграции: от временного пребывания с минимальными гарантиями до постоянного проживания и, в конечном итоге, гражданства. Такая модель позволяет избежать как преждевременного предоставления полного объёма прав, так и хронической маргинализации мигрантов. В Канаде, например, временные работники могут через два года подать заявление на постоянное проживание, а затем — на гражданство, при условии соблюдения языковых и налоговых требований. В России подобная градуировка формально существует, однако на практике бюрократические барьеры и длительные сроки оформления документов часто приводят к тому, что мигранты десятилетиями остаются в статусе «временных», что создаёт риски социальной изоляции и правовой уязвимости.

Особое место в институциональной адаптации занимает формализация требований «конституционной лояльности» как условия получения гражданства. В отличие от традиционных критериев (проживание, язык, доход), конституционная лояльность предполагает не просто знание, но и признание основ конституционного строя. В Германии это выражено в требовании отказа от практик, противоречащих Grundgesetz, таких как многожёнство или гендерная дискrimинация [\[13\]](#). В США кандидаты на гражданство должны пройти объективный устный тест по гражданскому образованию (*civics test*), включающий вопросы о принципах демократии и верховенства права. В российском законодательстве прямого аналога нет, однако в Федеральном законе «О гражданстве РФ» от 2023 года появилась присяга гражданина РФ, в которой определена обязанность «быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции», что и может быть интерпретировано как элемент конституционной лояльности.

Сравнительный анализ национальных стратегий выявляет существенные различия в подходах к интеграции мигрантов. Канадская модель, основанная на официальной политике мультикультурализма, закреплённой в Законе о мультикультурализме (Canadian Multiculturalism Act). 1988 года, делает ставку на инклюзивное гражданство, при котором культурное разнообразие рассматривается как национальный ресурс, а не угроза. Гражданство в Канаде понимается не как выражение этнической принадлежности, а как правовой статус, основанный на общих ценностях прав человека и демократии. Германская модель, напротив, опирается на концепцию «конституционного патриотизма», разработанную J. Habermas [\[14\]](#), согласно которой интеграция строится не на этнической или культурной идентичности, а на приверженности принципам свободной и демократической конституции. Эта модель позволяет интегрировать мигрантов без требования ассимиляции, но требует чёткого разграничения между частной сферой (где допускается культурное многообразие) и публичной (где доминируют конституционные нормы). Российская модель, сформировавшаяся в последние десятилетия, акцентирует внимание на «традиционных духовно-нравственных ценностях» и «историко-культурной общности», что, с одной стороны, создаёт основу для идентификации с государством, но с другой — несёт риски исключения тех мигрантов, чьи ценности не совпадают с официально утверждённой трактовкой традиций. Как показывает анализ миграционной политики особенно в регионах Северного Кавказа и Поволжья, где существуют множественные религиозные и этнические идентичности, такой подход может усиливать социальную поляризацию [\[15\]](#).

Таким образом, международный опыт свидетельствуют о том, что институциональные стратегии адаптации находятся в постоянном напряжении между двумя полюсами: инклюзией и сегрегацией, адаптацией и ассимиляцией. Инклюзия предполагает признание различий и создание условий для равного участия мигрантов в общественной жизни; сегрегация — их изоляцию в геттоизированных сообществах. Адаптация допускает взаимное изменение как принимающего общества, так и мигрантов; ассимиляция требует полного подчинения культурным нормам большинства. Выбор между этими полюсами не является чисто техническим, а отражает глубинные конституционные установки государства. При этом успешная интеграция невозможна без признания того, что конституция сама по себе должна быть объектом постоянного переосмысливания в условиях миграционной трансформации. В этом смысле институциональные стратегии не просто реагируют на миграционные вызовы, но активно формируют содержание конституционного порядка будущего.

Теоретико-правовые и практические перспективы адаптивного конституционализма в миграционном контексте

Адаптивный конституционализм обладает потенциалом стать основой устойчивого правопорядка в условиях глубокой социальной трансформации, вызванной миграцией, поскольку он предлагает модель, способную одновременно сохранять идентичность и обеспечивать открытость. Традиционные конституционные системы, построенные на идее закрытого национального сообщества, сталкиваются с дилеммой: либо ужесточать границы идентичности, рискуя социальной поляризацией и нарушением международных обязательств, либо ослаблять их, что может привести к эрозии конституционного ядра. Адаптивный подход преодолевает эту дилемму, предлагая не статичное «либо-либо», а динамическое «и-и»: конституция остаётся носителем устойчивых ценностей, но при этом допускает их интерпретацию в контексте новых социальных реалий. Следует признать, что устойчивость конституционного порядка в XXI веке измеряется не степенью его закрытости, а способностью к конструктивному включению новых субъектов без размывания нормативных основ. Эта устойчивость невозможна без активного участия гражданского общества и правового образования. Формирование так называемой «расширенной конституционной общности» — сообщества, включающего не только граждан, но и долгосрочно проживающих мигрантов, разделяющих приверженность основным конституционным принципам, — требует системной работы по повышению правовой грамотности и развитию гражданского диалога.

Для реализации потенциала адаптивного конституционализма необходимы конкретные нормативно-институциональные меры, направленные на предупреждение конституционных конфликтов и обеспечение правовой определённости. Одной из таких мер может стать развитие института конституционного мониторинга миграционной политики — систематической оценки соответствия миграционного законодательства и практики его применения основным принципам Конституции РФ. Такой мониторинг может осуществляться как Конституционным Судом РФ в рамках его правоприменительной деятельности, так и независимыми экспертными структурами при поддержке уполномоченных по правам человека. В Европейском союзе аналогичную функцию частично выполняет Агентство по основным правам (FRA), которое регулярно публикует отчёты о соблюдении прав мигрантов в государствах-членах. Внедрение подобного

механизма в России позволило бы выявлять системные нарушения на ранней стадии и корректировать законодательство до возникновения острых правовых коллизий.

Вторая рекомендация — создание механизмов «раннего предупреждения» конституционных конфликтов в миграционной сфере. Такие механизмы могут включать обязательную конституционно-правовую экспертизу всех законопроектов, затрагивающих права мигрантов, с участием представителей мигрантских сообществ, правозащитных организаций и научного сообщества. В Канаде подобная практика реализуется через институт «impact assessment», в рамках которого оценивается влияние законодательных инициатив на права уязвимых групп, включая мигрантов. В российских условиях подобный подход мог бы снизить количество спорных норм.

Третья рекомендация касается совершенствования правового статуса временно пребывающих иностранных граждан. Нынешняя система, основанная на строгом разграничении между гражданами и негражданами, не учитывает фактическую степень интеграции мигранта в экономику и общество. Введение дифференцированного подхода — например, предоставление расширенных социальных гарантий (доступ к медицинской помощи, образованию детей, защите от произвольного увольнения) мигрантам, имеющим длительный трудовой стаж и уплачивающим налоги, — позволило бы сблизить формальный статус с фактическим положением и снизить риски эксплуатации. Как показывает практика Верховного суда Индии в деле «National Human Rights Commission v. State of Arunachal Pradesh» (1996), даже в условиях ограниченных ресурсов государство обязано обеспечивать базовые конституционные гарантии всем лицам, находящимся под его юрисдикцией, независимо от их гражданства.

Перспективы развития концепта адаптивного конституционализма выходят за рамки текущих миграционных вызовов и связаны с новыми глобальными тенденциями, которые ещё не получили достаточного отражения в конституционной теории. Одной из таких тенденций является климатическая миграция — перемещение населения в результате экологических катастроф, повышения уровня моря или опустынивания. В отличие от традиционных мигрантов, они не подпадают под действие существующих международных режимов защиты (например, Конвенции 1951 года о статусе беженцев), что создаёт правовой вакuum. Адаптивный конституционализм может предложить основу для разработки новых правовых категорий, таких как «экологический мигрант с правом на временную интеграцию», с соответствующими гарантиями.

Вторая тенденция связана с цифровой мобильностью — ростом числа лиц, работающих удалённо из разных юрисдикций, не имея постоянного места жительства. Это ставит вопрос о том, может ли конституционная защита распространяться на лиц, не имеющих физического присутствия на территории государства, но вносящих вклад в его экономику через цифровые платформы. Третья тенденция — возможность формирования «транснациональной конституционной идентичности», основанной не на этнической или национальной принадлежности, а на общих ценностях прав человека, демократии и устойчивого развития. Такая идентичность уже в зачаточной форме проявляется в практике Европейского суда по правам человека, который последовательно формирует общее правовое пространство, трансцендентное национальным границам. Однако её

реализация требует не только судебной, но и политической воли к международному сотрудничеству. В этом контексте особую роль может сыграть выработка общих стандартов адаптивного конституционализма на региональном уровне — в рамках Совета Европы, СНГ или АСЕАН. Это, полагаем, исходит из того, что будущее конституционализма — не в изоляции, а в диалоге между правовыми системами, стремящимися к совместному решению глобальных вызовов. Такой диалог не предполагает унификации, но создаёт условия для взаимного обогащения и выработки устойчивых моделей правового управления миграцией в условиях неопределенности.

Заключение

Таким образом, адаптивный конституционализм выступает не как опциональная теоретическая конструкция, а как необходимая эволюция классической модели конституционализма, обусловленная глубинными трансформациями, вызванными современными миграционными процессами. В условиях, когда миграция перестала быть временным явлением и стала структурным фактором социального и правового развития, конституционные системы сталкиваются с необходимостью переосмыслиения своих основополагающих категорий — народного суверенитета, гражданства, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Классическая модель, основанная на идее гомогенного национального сообщества и закрытой иерархии норм, оказывается неспособной обеспечить устойчивость правопорядка в условиях культурного, религиозного и правового разнообразия. Адаптивный конституционализм предлагает альтернативу: он сохраняет конституционную идентичность не через исключение и закрытие, а через гибкое включение и конструктивный диалог с новыми социальными акторами, включая мигрантов. Эта модель не отрицает суверенитет или иерархию, но переосмысливает их как динамические институты, способные к самообновлению без утраты нормативного ядра. В этом смысле адаптивный конституционализм представляет собой не ослабление, а укрепление конституционного порядка, поскольку он повышает его легитимность за счёт инклюзивности и способности к рефлексии.

Институциональные стратегии адаптации, разрабатываемые в ответ на миграционные вызовы, должны соответствовать трём ключевым требованиям: быть сбалансированными, недискриминационными и основанными на принципах верховенства права. Баланс означает, что ни права мигрантов, ни конституционные основы государства не могут быть абсолютированы; вместо этого требуется поиск пропорциональных решений, учитывающих как индивидуальные права, так и общественные интересы. Недискриминационность предполагает, что любые различия в правовом статусе должны быть обоснованы объективными и разумными основаниями, а не произвольными или идеологическими соображениями. Верховенство права требует, чтобы все меры в миграционной сфере были предсказуемыми, прозрачными и подконтрольными независимым судебным органам. Практика Конституционного Суда Российской Федерации демонстрирует стремление к соблюдению этих принципов, однако системная реализация остаётся задачей будущего. Важно подчеркнуть, что адаптация не означает уступки популистским настроениям или игнорирование реальных социальных трений; напротив, она предполагает ответственное управление сложностью через правовые, а не политические механизмы.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается во внесении вклада в развитие трёх взаимосвязанных областей: теории конституционного права, миграционного права и прав человека. Развитие концепта адаптивного конституционализма в российской доктрине позволяет преодолеть устоявшуюся дилемму между национальным суверенитетом и универсализмом прав человека, предлагая вместо неё модель синтеза через институциональную гибкость. Это открывает новые горизонты для анализа таких категорий, как конституционная идентичность, народный суверенитет и правовой статус неграждан.

Практическая значимость выражается в конкретных предложениях по совершенствованию законодательства, судебной практики и государственной миграционной политики. К ним относятся: введение обязательной конституционно-правовой экспертизы миграционных законопроектов, развитие института конституционного мониторинга, дифференциация правового статуса мигрантов в зависимости от степени их интеграции, а также формализация требований конституционной лояльности как условия получения гражданства. Эти меры могут быть реализованы не только в России, но и в других странах, сталкивающихся с аналогичными вызовами, особенно в постсоветском и европейском правовом пространстве.

Настоящее исследование также обозначает ряд направлений для дальнейших научных изысканий:

Во-первых, требует углублённого анализа влияние миграции на федеративные и региональные конституционные модели. В многонациональных государствах, таких как Россия, Индия или Нигерия, миграционные потоки могут по-разному воздействовать на центральные и региональные уровни власти, порождая конфликты компетенций и различия в подходах к интеграции. Например, в республиках Северного Кавказа или Татарстане миграционная политика может учитывать местные этнокультурные особенности, что создаёт риски фрагментации единого правового пространства.

Во-вторых, необходимо исследовать роль местного самоуправления в интеграции мигрантов. Как показывает опыт городов - «мигрантских хабов» — таких как Берлин, Торонто или Москва, — именно муниципальные власти часто первыми сталкиваются с практическими проблемами интеграции и разрабатывают инновационные решения в области образования, здравоохранения и социальной поддержки. Однако в большинстве государств, включая Россию, полномочия местного самоуправления в миграционной сфере крайне ограничены, что снижает эффективность интеграционных мер.

В-третьих, требует этико-правового осмысления феномен «конституционной фильтрации» — практики отбора мигрантов на основе их предполагаемой совместимости с конституционными ценностями. Хотя такие механизмы, как тесты на знание конституции или интервью на «конституционную лояльность», широко применяются в Германии,

Канаде и Австралии, они несут в себе риски субъективизма, культурного империализма и нарушения права на недискриминацию. Эти и другие вопросы требуют междисциплинарного подхода, сочетающего конституционно-правовой анализ, социологические исследования и сравнительную методологию, что открывает широкие перспективы для дальнейшего развития теории адаптивного конституционализма в условиях глобальной миграционной трансформации.

Библиография

1. Grimm D. The Achievement of Constitutionalism and its Prospects in a Changed World / D. Grimm // The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 3-23. – (Oxford Constitutional Theory).
2. Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
3. Schmitt C. Verfassungslehre / C. Schmitt. – München : Duncker & Humblot, 1928.
4. Dyzenhaus D. The Old Commonwealth Model of Constitutionalism / D. Dyzenhaus. – New York : NYU School of Law, 2021. – (NYU Law Working Paper).
5. Tribe L. American Constitutional Law / L. Tribe. – Westbury, NY : Foundation Press, 1978. – 1204 p.
6. Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism / N. Walker. – Florence : European University Institute, 2002. – 50 p.
7. Kumm M. The Jurisprudence of Constitutional Conflict: Constitutional Supremacy in Europe before and after the Constitutional Treaty / M. Kumm // European Law Journal. – 2005. – Vol. 11, № 3. – P. 262-307.
8. Peters A. The Merits of Global Constitutionalism / A. Peters // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2009. – Vol. 16, № 2. – Art. 2.
9. Соколов А. Долгожданный указ [Электронный ресурс] // Столетие.ru. – 2025. – URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/dolgozhdannyyj_ukaz_126.htm (дата обращения: 05.04.2025).
10. Gutmann J. Measuring constitutional loyalty / J. Gutmann, R. Sarel, S. Voigt // Public Choice. – 2025. – Vol. 205. – P. 1-18.
11. Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации : материалы "круглого стола" (22 марта 2023 г.). – М. : Издание Государственной Думы, 2024. – 80 с.
12. Булатов Р. Б. Принцип пропорциональности и его тестовые критерии / Р. Б. Булатов, А. С. Михасев // Административное право и процесс. – 2024. – № 11. – С. 21-24. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-21-24 EDN: CIBZER.
13. Hofhansel C. The Waxing and Waning of Loyalty in German Citizenship / C. Hofhansel // German Politics. – 2021. – Vol. 32, № 3. – P. 1-18.
14. Habermas J. Die postnationale Konstellation: Politische Essays / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1998. – 272 S.
15. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы / А. В. Дмитриев // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 1 (09). – С. 16-29. EDN: TKAGEZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих вызовов национальной идентичности и институциональных стратегий адаптации к ним. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта. Ее составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, элементы социологического исследования правосознания и доктринальную интерпретацию. Также ученым осуществляется анализ международных и региональных стандартов в области миграции.

Избранная автором тема исследования, несомненно, актуальна, и обосновывается им достаточно подробно. Современные беспрецедентные миграционные вызовы национальной идентичности порождают необходимость разработки стратегий адаптации к ним. Требуется концептуальный пересмотр основ конституционной теории, включая категории народного суверенитета, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы заключается в разработке концепта «адаптивного конституционализма» как теоретико-нормативного ответа на вызовы, порождаемые, в том числе, и миграционной трансформацией. Автор понимает адаптивный конституционализм как динамическую модель, способную к институциональной и содержательной эволюции под воздействием внешних и внутренних факторов, включая миграцию. Также учений развивает теорию правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его научную новизну, цель, задачи и методологию. В основной части работы автор описывает эволюцию концепта адаптивного конституционализма, анализирует миграционную трансформацию как вызов национальной и конституционной идентичности, рассматривает институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам, определяет перспективы адаптивного конституционализма в миграционном контексте. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (O. W. Holmes, L.Tribe, N.

Walker и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами. Выводы по результатам проведенного исследования имеются, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Автором установлено, что адаптивный конституционализм выступает как необходимая эволюция классической модели конституционализма, обусловленная глубинными трансформациями, вызванными современными миграционными процессами. Миграция стала структурным фактором социального и правового развития. Как следствие, конституционные системы сталкиваются с необходимостью переосмысления своих основополагающих категорий — народного суверенитета, гражданства, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Адаптивный конституционализм сохраняет конституционную идентичность через гибкое включение и конструктивный диалог с новыми социальными акторами, включая мигрантов. Данная модель переосмысливает суверенитет и иерархию как динамические институты, способные к самообновлению без утраты нормативного ядра. В этом смысле адаптивный конституционализм способствует укреплению конституционного порядка, так как повышает его легитимность за счёт инклузивности и способности к рефлексии. Ученым доказано, что институциональные стратегии адаптации, разрабатываемые в ответ на миграционные вызовы, должны соответствовать трём ключевым требованиям: быть сбалансированными, недискриминационными и основанными на принципах верховенства права. Автор дает следующие практические рекомендации: ввести обязательную конституционно-правовую экспертизу миграционных законопроектов, развивать институт конституционного мониторинга, дифференцировать правовой статус мигрантов в зависимости от степени их интеграции, а также формализовать требования конституционной лояльности как условие получения гражданства. Также ученым обозначены направления для дальнейших научных изысканий по исследуемой теме. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере конституционного права, миграционного права, прав человека со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Работа требует небольшой доработки во вводной части.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Мошин В.А. Эволюция Королевского закона 1665 года как конституционного акта абсолютной монархии Дании: содержание, значение и эволюция // Юридические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76467 EDN: EDIRCO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76467

Эволюция Королевского закона 1665 года как конституционного акта абсолютной монархии Дании: содержание, значение и эволюция**Мошин Валерий Андреевич**

аспирант; Юридический институт; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

109341, Россия, г. Москва, р-н Марьино, ул. Верхние Поля, д. 4, кв. 123

✉ v_moshin@mail.ru[Статья из рубрики "История государства и права"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.10.76467

EDN:

EDIRCO

Дата направления статьи в редакцию:

27-10-2025

Аннотация: Королевский закон 1665 г. – уникальный законодательный акт, не только заложивший основы абсолютной монархии в Дании, но и оказавший долгосрочное влияние на формирование датской государственности и правовой системы этой скандинавской страны. Его изучение представляет интерес в контексте выявления общих закономерностей конституционного развития зарубежных государств и определения роли в нем исторического наследия. Заслуживают внимания анализ факторов, повлиявших на разработку и принятие этого закона, особенности его реализации, а также влияние на трансформацию государственного строя Дании. Всесторонне анализируется Королевский закон как ключевой конституционный акт периода абсолютной монархии в Дании: рассматриваются его содержание, значение и эволюция в период до принятия Конституции 1849 г. Использованы аналитический, исторический и сравнительно-правовой методы для изучения законодательства, научных публикаций и архивных материалов, относящихся к периоду датской истории с XVII по XIX в. Период датской истории, на протяжении которого Королевский закон обладал де-

факто статусом конституции, охватывает почти 200 лет (1665–1849); его содержание и роль, однако, на данный момент недостаточно исследованы и освещены в отечественной научной литературе. В настоящем исследовании выявлены и систематизированы ключевые аспекты Королевского закона 1665 г., определено его фундаментальное значение для установления и функционирования абсолютизма, а также показаны механизмы его эволюции и адаптации к изменяющимся политическим и социальным условиям вплоть до либеральных реформ середины XIX в. Подчеркивается нелинейный характер конституционного развития Дании, где Королевский закон, несмотря на свою абсолютистскую природу, заложил основы для дальнейшего правового и административного строительства, повлиявшего на становление современного Датского государства.

Ключевые слова:

Королевский закон, Датская монархия, Абсолютизм, Июньская Конституция, Конституционализм, Конституционный акт, Государственный строй, История права, Фредерик III, Педер Шумахер

Исследования в области эволюции конституционализма имеют колossalную значимость для правовой науки, поскольку открывают путь к пониманию процессов развития отдельных государственных институтов и правовых систем в целом. В этом контексте опыт Дании, прошедшей путь от абсолютной монархии до современного «государства всеобщего благоденствия», является уникальным примером адаптации права к меняющимся политическим и социальным реалиям. Особое место здесь занимает Королевский закон 1665 г. (дат. *Kongeloven*, также известный как *Lex Regia*), закрепивший абсолютизм и сформировавший качественно новую политico-правовую систему страны. Этот акт не только установил неограниченную власть монарха, но и послужил основой для последующего развития датского права вплоть до принятия первой демократической Конституции 1849 г., что делает его самым долговечным письменным конституционным актом абсолютной монархии в Европе.

Установление абсолютной монархии в Дании в 1660–1661 гг., закрепленное Королевским законом, не было изолированным событием, а стало кульминацией длительного периода глубоких политических, экономических и социальных потрясений. В начале XVII в. Дания, традиционно занимавшая доминирующее положение в Скандинавии и Балтийском регионе, столкнулась с возрастающей угрозой со стороны Швеции. Многочисленные датско-шведские войны этого периода, включая Кальмарскую войну (1611–1613) и отдельные конфликты в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648), истощили ресурсы королевства и сломили его прежнюю гегемонию [4, с. 102]. Как отмечает Л. Б. Орфилд, Дания в начале XVII в. «была одним из старейших государств Европы... единой нацией, с телом общих традиций и опыта» [11, с. 1]. Однако эта стабильность была подорвана постоянными конфликтами.

К середине XVII в. положение Дании стало критическим. Военные поражения, особенно в датско-шведских войнах 1643–1645 гг. (т. н. «война Торстенсона») и 1657–1658 гг., и последующий унизительный Роскильльский мирный договор 1658 г., привели к значительным территориальным потерям. Дания утратила провинции Сконе, Халланд, Блекинге и Борнхольм, а также норвежские провинции Бохуслен и Тренделаг. Эти потери не только уменьшили территорию королевства, но и поставили под угрозу его

выживание как независимого государства. Как подчеркивается в статье о датском абсолютизме в энциклопедии «Britannica», военные поражения второй половины XVII в. были восприняты как доказательство неспособности дворянства эффективно воздействовать на центральное правительство [Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Denmark>, дата обращения: 15.10.2025].

В этот период Дания представляла собой так называемое *Stände-staat* — сословное государство, где власть делилась между королем и Ригсродом (Государственным советом), который в основном состоял из дворянства. Дворянство обладало значительными привилегиями, включая освобождение от налогов и контроль над землями. Однако, как отмечает Л. Б. Касперсен, его очевидно уменьшающаяся роль в оборонной сфере привела к ослаблению Дании [9, с. 79]. Нежелание дворянства вносить свой вклад в финансирование войн и сохранять армию привело к дальнейшей дискредитации его позиций как среди короны, так и среди других сословий, в частности, горожан. Этот внутренний конфликт между королем и аристократией стал ключевым фактором, сделавшим датское государство крайне уязвимым перед внешними угрозами и внутренним кризисом. Помимо территориальных и военных неудач, Дания переживала серьезный финансовый кризис. Необходимость финансирования долгостоящих наемных армий и флота, а также отказ дворянства от справедливого налогообложения легли тяжелым бременем на другие слои общества, вызвав широкое недовольство. Эти условия спровоцировали «исключительное состояние», в котором старые формы правления оказались неэффективными, а само существование государства — под угрозой [9, с. 79].

Король Фредерик III сумел использовать этот глубокий кризис для укрепления собственной власти. Усилия и стойкость монарха во время осады Копенгагена шведами (1658–1660) значительно повысили его популярность среди горожан и духовенства, в то время как Ригсрод и дворянство были дискредитированы, поскольку не отказались от своих привилегий во имя национальной безопасности. Летом 1660 г. в Копенгагене была созвана ассамблея, состоявшая из представителей дворянства, духовенства и горожан. Изначально целью собрания было решение финансового кризиса, но затем его повестка дня существенно расширилась. Горожане и духовенство, получившие экономическую и политическую поддержку, выступили против налоговых привилегий дворянства. Они искали поддержки у короля и предложили ему наследственный трон вместо прежней выборной монархии, что было стратегическим шагом для ограничения власти дворянского сословия.

В январе 1661 г. Фредерик III получил карт-бланш на формирование новой датской монархии. Де-факто он стал абсолютным монархом, упразднив выборную монархию, распустив Ригсрод и лишив дворянство многих привилегий. Горожане и духовенство получили равные возможности для занятия должностей с дворянством [12, с. 10]. Этот «политический переворот» 1660–1661 гг. и провозглашение наследственной монархии заложили основу для Королевского закона, которому предстояло юридически оформить и консолидировать новую абсолютную власть. Так и произошло: закон 1665 г. стал не просто юридическим документом, но и символом радикальной трансформации государственного строя Дании, возникшей в результате уникального сочетания внешних угроз и внутренних политических маневров.

После провозглашения наследственной абсолютной монархии возникла необходимость в юридическом оформлении новой системы власти. Эта задача была поручена молодому, но уже хорошо образованному и талантливому юристу Педеру Шумахеру, позднее

известному как граф Гриффенфельд. Шумахер был назначен королевским библиотекарем в 1663 г., а затем секретарем монаршего кабинета в 1665 г., что свидетельствует о его близости к королю и высокой оценке его способностей. Процесс создания закона был сложным и включал несколько этапов. Шумахер работал в тесном сотрудничестве с королем Фредериком III, сформулировав первый черновик на латыни, а затем переработав его в официальную датскую версию. Обсуждения между королем и его советниками, включая Расмуса Виндинга и Серена Корнерупа, сыграли роль в формировании итогового текста, хотя окончательная редакция и стилистика, вероятно, принадлежат Шумахеру [\[1, с. 395\]](#).

Интерес также представляет вопрос о теоретических влияниях, легших в основу Королевского закона. Как отмечает Р. Готтшальк, закон легитимировал датскую абсолютную монархию, опираясь на древнеримский принцип *lex regia* и труды современных политических теоретиков, таких как Х. Арнисеус, Ж. Боден и Г. Гроций [\[6, с. 346\]](#). К. Фабрициус, в свою очередь, считал, что Шумахер больше опирался на идеи Арнисеуса и Гроция, особенно в вопросах отношений между королем и церковью, нежели на философию Гоббса. Шумахер ослабил концепцию божественного права монарха и подчеркнул идею королевского абсолютизма, основанного на общем благе всего народа. Это свидетельствует о прагматическом подходе разработчика закона, который стремился отразить фактическое политическое положение в стране и обеспечить стабильность, а не только следовать абстрактным теориям.

Королевский закон состоял из 40 статей, которые детально определяли все аспекты новой абсолютной монархии. Так, закон провозглашал короля Фредерика III и его потомков абсолютными, суверенными, христианскими и наследственными королями Дании и Норвегии. Он обладал всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, мог издавать законы, назначать и смещать должностных лиц, объявлять войну и заключать мир. Закон четко устанавливал наследственный порядок по мужской и женской линиям, обеспечивая преемственность власти и неделимость королевства. Это было особенно важно для Дании, пережившей территориальные потери и стремившейся сохранить целостность монархии. Указывалось, что королевства Дании и Норвегии, а также все подвластные территории должны оставаться «неразделенными и неделимыми» под властью одного монарха. Король получал полный контроль над вооруженными силами, право объявлять войну, заключать союзы, устанавливать налоги. Ему также принадлежала верховная власть над духовенством, право назначать и смещать всех должностных лиц.

Рис. 1. Оригинальное издание Королевского закона, хранящееся в Национальном архиве Дании

Уникальность Королевского закона состояла, прежде всего, в том, что, в отличие от большинства абсолютных монархий Европы, которые опирались на неписаные традиции, в Дании этот документ выступал всеобъемлющим письменным конституционным актом. Это делает его единственной в истории писаной «конституцией» для абсолютной монархии в Европе. Благодаря закону были четко зафиксированы принципы и структура государственной власти, что способствовало ее легитимизации и стабильности. В отличие от более поздних конституций, Королевский закон не содержал явных гарантий гражданских свобод, таких как свобода прессы или собраний. Закон опирался на римско-правовые концепции для легитимизации абсолютной власти. Принцип *lex regia*, согласно которому народ передает всю свою власть императору, был использован для обоснования неограниченной власти короля. В проекте закона на латинском языке уделялось особое внимание различию между *imperium* (публичная власть, суверенитет) и *dominium* (частное право собственности короля на государство).

Несмотря на то, что закон был подписан в 1665 г., он долгое время хранился в тайне и был полностью опубликован только в 1709 г. Эта секретность, возможно, была обусловлена стремлением избежать противодействия со стороны королевы и других влиятельных кругов, имевших интересы в вопросах престолонаследия. Тем не менее, как отмечает Э. Экман, содержание закона было достаточно хорошо известно в Швеции, Германии и в большей части Западной Европы [\[4, с. 104\]](#).

Королевский закон 1665 г. явился прямым ответом на политический кризис середины XVII в. и стремление короля Фредерика III консолидировать свою власть после успешного политического переворота. Этот акт стал юридическим основанием для новой формы правления, заменившей выборную монархию, ограниченную аристократическим Ригсротом, на наследственную и абсолютную власть. Как отмечалось выше, закон легитимировал абсолютную монархию, опираясь на древнеримский принцип *lex regia*. Это позволило обосновать неограниченную власть короля не только с позиций божественного права, но и через концепцию передачи власти от народа, что было особенно важно для буржуазии и духовенства, поддержавших короля в 1660 г. Закон провозгласил короля «высшим и высочайшим главой на земле над всеми человеческими законами», не имеющим над собой никакого высшего авторитета, кроме Бога. Это положение обеспечило юридическую основу для полной централизации всех ветвей

власти в руках монарха. Таким образом, Королевский закон не только формально утвердил статус Фредерика III как абсолютного правителя, но и предоставил прочную правовую базу для его наследников, гарантируя стабильность и преемственность власти, что было крайне необходимо после длительного периода войн и внутренних конфликтов. Консолидация власти также выражалась в закреплении неделимости королевства, что было стратегически важным для предотвращения дальнейших территориальных потерь. Закон также ликвидировал большинство привилегий дворянства, предоставив горожанам и духовенству равные возможности для занятия государственных должностей. Этот антиаристократический элемент, как указывает М. Ф. Йенсен, был частью усилий короны по укреплению своей новой абсолютной власти и способствовал становлению меритократии в гражданской службе [7, с. 6]. После принятия Королевского закона датская администрация была реорганизована и стала высоко иерархической, сосредоточенной на монархе и основанной на принципе верховенства права. Центральное управление было разделено на коллегии (департаменты), основанные не по территориальному, а по профессиональному принципу.

Ключевым элементом этих реформ было создание лояльного корпуса гражданских служащих. Король получил неограниченное право назначать и смещать всех королевских чиновников. Приоритетом было создание администрации, преданной королю. Буржуазные бюрократы постепенно вытесняли дворян из гражданской службы, поскольку считалось, что они будут более лояльны и менее склонны к личным политическим амбициям [7, с. 6]. Важной мерой стало введение присяги на верность королю, которая обязывала чиновников действовать честно, усердно и в интересах короля. Помимо прочего, Королевский закон оказал влияние и на введение Кодекса 1683 г., который унифицировал правовую систему страны и заменил прежние провинциальные законы. Эти административные и правовые реформы заложили основу для «веберианской бюрократии», которая, как показано в исследовании М. Ф. Йенсен, значительно сократила уровень коррупции в датской администрации к середине XIX в. Система петиций (дат. *supplikker*), позволявшая подданным обращаться к королю с жалобами на неправомерные действия чиновников, также способствовала контролю и легитимизации королевской власти, демонстрируя ее доступность и милосердие.

Вопрос о совместимости абсолютизма с принципом верховенства права является центральным для понимания сути датской государственности этого периода. Й. Йохансен приходит к выводу, что, хотя верховенство права было «хрупким», поскольку зависело от «милости абсолютного короля», среди правящей элиты существовал идеал его соблюдения, и население доверяло системе [8, с. 153]. На практике датская монархия, несмотря на абсолютный характер королевской власти, была все же «умеренной, бюрократической и патерналистской» [5, с. 1]. Основные критерии верховенства права, такие как публичное провозглашение законов, независимость судов, предсказуемость судебных процессов и право на обжалование, хотя и были представлены позднее в датских конституциях (1849, 1953 гг.), уже начали формироваться в абсолютистский период. Например, Верховный суд был учрежден вместо Королевского суда в 1661 г., что обеспечило некоторую степень судебной независимости.

Однако Королевский закон не предусматривал явных гарантий гражданских свобод в современном понимании. Его положения фокусировались на консолидации королевской власти, а не на защите индивидуальных прав. Тем не менее, как указывает Т. Мунк, в XVIII в. датское правительство стало не только не препятствовать «умеренным публичным дебатам», но даже и принимать их результаты во внимание [10, с. 201], что

свидетельствовало о постепенной эволюции представлений о государственном управлении и общественном мнении. Несмотря на отсутствие формально закрепленных конституционных прав и свобод, просвещенное абсолютистское правительство Дании стремилось своими реформами вести общество к общему благу и стабильности [2, с. 280]. К концу XVIII в. датско-норвежская монархия демонстрировала «убедительный послужной список стабильности и почти полного отсутствия внутренних беспорядков» [10, с. 201]. Эта стабильность поддерживалась не столько силой, сколько консенсусом, основанным на религиозном единстве и «доступности» монарха. В этот период возникла концепция «абсолютизма, управляемого мнением», согласно которой правительство прислушивалось к обществу и управляло в соответствии с ним, тем самым приобретая легитимность в глазах датского народа.

Отдельного внимания заслуживает вопрос свободы прессы в абсолютистской Дании. Изначально, согласно Кодексу Кристиана V 1683 г., действовала строгая цензура, а все публикации, касающиеся короля и правительства, подлежали обязательному одобрению [3, с. 260]. Переломным моментом стал период реформ Иоганна Фридриха Струэнзе, который в 1770 г., будучи фактическим правителем при психически нездоровом короле Кристиане VII, отменил всякую цензуру. Этот шаг, который приветствовался европейскими просветителями, был направлен на стимулирование рациональной дискуссии. Однако, как отмечает Г. Коммагер, отмена цензуры вызвала поток писаний, многие из которых, опубликованные анонимно, были основаны на хорошо обоснованных слухах о любовной связи Струэнзе с королевой и злоупотреблении властью иностранцем [3, с. 263]. Это привело к быстрому ужесточению правил: в октябре 1771 г. Струэнзе ввел требования об указании автора и издателя. После падения Струэнзе в январе 1772 г. и прихода к власти правительства Гульдберга, цензура была фактически восстановлена указом от октября 1773 г., запрещавшим публикации по политическим вопросам, критику должностных лиц и скандалы. Тем не менее, после «бескровного переворота» 1784 г., когда кронпринц Фредерик (впоследствии — король Фредерик VI) взял управление на себя, наблюдалось новое, более умеренное отношение к публичной дискуссии. Правительство стало поощрять общественные дебаты, что способствовало постепенному развитию «гражданской свободы» (дат. *borgerlig frihed*), хотя и в рамках, определяемых государством [2, с. 280].

Военные реформы сыграли существенную, хотя и непреднамеренную роль в эволюции датского абсолютизма к демократическому государству. Л. Б. Касперсен утверждает, что разработка демократической конституции Дании и становление национального государства может рассматриваться как непреднамеренное последствие ряда военных реформ, основной целью которых была борьба за суверенитет Дании [9, с. 85]. В период с 1660 по 1849 г. король стремился устранить посредническую роль землевладельцев между ним и крестьянами, чтобы получить прямой доступ к ресурсам общества. Это включало реформы призыва на военную службу. В 1733 г. была введена система прикрепления крестьян к земле (дат. *stavnsbåndet*), что обеспечило постоянный приток рекрутов в армию. В 1788 г. система была отменена — до введения в 1848 г. всеобщей воинской повинности; первоначально для крестьян, а затем и для всех мужчин. С этого момента каждый датчанин смог легально проживать в любом регионе королевства, а лица разных сословий оказались уравнены в части воинской обязанности. Это стало важным шагом в становлении датской национальной идентичности. Военные реформы привели к созданию армии, укомплектованной по национальному признаку, состоящей из всех граждан мужского пола. Новые солдаты, которые теперь защищали свою страну, свои права и условия жизни, становились датскими гражданами. В государстве

укрепились «национальные элементы», а правительство получило доступ к полной мобилизации ресурсов нации в форме рабочей силы и материальных средств [9, с. 85]. Таким образом, преобразования, изначально направленные лишь на обеспечение выживания государства, непреднамеренно способствовали формированию демократии и национального гражданства, заложив основы для будущих конституционных преобразований.

Конституция 1849 г. (дат. *Junigrundloven*) ознаменовала собой фундаментальный разрыв с абсолютизмом; тем не менее переход не был полным или мгновенным. Многие положения Королевского закона были отменены, но некоторые из них, особенно касающиеся престолонаследия, продолжали действовать или легли в основу новых конституционных норм. Монархия стала ограниченной. Законодательная власть была передана Ригсдагу, двухпалатному парламенту; исполнительная — королю, а судебная — судам. Конституция закрепила ряд гражданских и политических прав, таких как свобода слова, собраний и вероисповедания; отменила все привилегии, связанные с дворянством, титулами и рангами, которые были унаследованы от абсолютистского режима. Однако некоторые принципы Королевского закона 1665 г. продолжали влиять на правовую систему. Например, положения о престолонаследии (параграфы XXVII–XL Королевского закона), хоть и с модификациями, были подтверждены Законом о престолонаследии от 31 июля 1853 г. и включены в параграф 4 Конституции 1849 г. Наблюдается преемственность в конституционном развитии: даже при смене государственного строя сохранились элементы прежних правовых рамок. Некоторые положения Королевского закона, касающиеся неделимости королевства, нашли отражение в последующем стремлении к сохранению территориальной целостности Дании, хотя и в новых, более демократических формах. Несмотря на свою «отмену», закон продолжал жить в форме адаптированных положений и оказал влияние на последующие конституционные акты, в том числе на Конституцию 1849 г., которая сама стала отправной точкой для дальнейшей эволюции датского конституционализма.

Итак, Королевский закон 1665 г., оставивший глубокий след в датской правовой системе, стал ключевым конституционным актом, сформировавшим абсолютную монархию в Дании и определившим вектор ее государственно-правового развития на столетия вперед. Разработанный П. Шумахером документ закрепил неограниченную, наследственную власть монарха, опираясь на концепции *lex regia*, *imperium* и *dominium*. Его значение проявилось в эффективной легитимизации и консолидации королевской власти, а также в запуске масштабных административных реформ, направленных на создание лояльной и профессиональной бюрократии, что способствовало снижению коррупции и становлению принципа верховенства права. Несмотря на абсолютистский характер и первоначальную секретность, закон не был статичным. В XVIII в. он эволюционировал под влиянием идей просвещенного абсолютизма, что привело к постепенному, хоть и ограниченному, развитию свободы прессы. Кроме того, военные реформы, изначально призванные укрепить оборону, непреднамеренно способствовали изменению государственно-правовой системы и укреплению национальной идентичности, подготовив почву для демократических преобразований. Этот сложный и многогранный путь развития подчеркивает эволюционный характер датского конституционализма, где историческое наследие постоянно взаимодействовало с новыми социальными и политическими реалиями.

Библиография

1. Arup, E. Knud Fabricius: Kongeloven. Kbhvн: Hagerup, 1920. Historisk Tidsskrift, 9, pp.

387-397.

2. Bregnsbo, M. The Danish Way: Freedom and Absolutism. Political Theory and Identity in the Danish State ca. 1784–1800. Northern Antiquities and National Identities, 2008, pp. 277-287.
3. Commager, H. Freedom of the Press in Denmark. Scandinavian Studies and Notes, 1927, vol. 9, no. 8, pp. 258-266.
4. Ekman, E. The Danish Royal Law of 1665. The Journal of Modern History, 1957, vol. 29, no. 2, pp. 102-107.
5. Faerkel, J. Some Aspects of the Constitution of Denmark. Irish Jurist (1966-), 1982, vol. 17, no. 1, pp. 1-31.
6. Gottschalck, R. The Royal Law of Denmark: Roman Law and Danish Absolutism. Acta Conventus Neo-Latini, 2024, vol. 18, pp. 346-357.
7. Jensen, M. F. The Question of How Denmark Got To Be Denmark – Establishing Rule of Law and Fighting Corruption in the State of Denmark 1660–1900. QoG Working Paper Series, 2014, no. 06, pp. 1-26.
8. Johansen, J. Chr. V. Absolutism and the 'rule of law' in Denmark 1660-c. 1750. The Journal of Legal History, 2006, vol. 27, no. 2, pp. 153-173.
9. Kaspersen, L. B. How Denmark Became Democratic: The Impact of Warfare and Military Reforms. Acta Sociologica, 2004, vol. 47, no. 1, pp. 71-89.
10. Munck, T. Absolute Monarchy in Later Eighteenth-Century Denmark: Centralized Reform, Public Expectations, and the Copenhagen Press. The Historical Journal, 1998, vol. 41, no. 1, pp. 201-224. EDN: FOCOUT.
11. Orfield, L. B. Danish Law, Part I. U. Mia. L. Rev., 1950, vol. 5, pp. 1-39.
12. Vergauwen, C. P. F. The Legal System of the Kingdom of Denmark. Katholieke Universiteit Leuven, Belgium, 1989, pp. 1-41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена комплексному анализу Королевского закона 1665 года – нормативного акта, закрепившего в Дании форму правления в виде абсолютной монархии. Предмет исследования является рассмотрение автором не только содержания и юридической природы закона, но и историко-политический контекст его принятия, источники, а также эволюцию и влияние на последующее развитие датского права вплоть до принятия Конституции 1849 года. Особое внимание уделяется роли Королевского закона как легитимизующего и консолидирующего фактора, основы для административных, военных, правовых и иных реформ.

В рамках методологии исследования автор применяет историко-правовой и сравнительно-правовой метод, системный и контекстуальный анализ. Следует заметить, что отдельного методологического раздела в статье не выделено.

Актуальность статьи высока. Интерес к историческим корням современного конституционализма, механизмам перехода от абсолютизма к правовому государству и тем или иным национальным моделям государственности остается высоким в научном сообществе. Обращение к датскому опыту, который нередко остается в тени британского или французского, позволяет восполнить существующий пробел. Исследование эволюции Королевского закона позволяет глубже понять преемственность в праве.

Научная новизна статьи проявляется в наличии комплексного подхода к эволюции Королевского закона, который рассматривается автором как динамичный акт; тезисе о том, что реформы, направленные на укрепление абсолютизма, непреднамеренно заложили основы датской национальной идентичности и гражданственности, подготовив почву для демократии; в анализе совместимости абсолютистской модели с элементами верховенства права, что в совокупности представляет значительный интерес и вносит вклад в дискуссию о природе государственной власти.

Стиль статьи является научным, с корректным использованием терминологии. Структура работы логична, а содержание статьи демонстрирует глубокое погружение автора в тему и умение работать с источниками. В качестве замечания можно отметить чрезмерно общий характер введения, которое следовало сделать более проблемным. В целом текст статьи демонстрирует высокую степень оригинальности и производит впечатление работы, написанной квалифицированным исследователем.

Список литературы соответствует теме статьи.

Автор неявно вступает в диалог с научным сообществом, опираясь на различные точки зрения, однако, для усиления полемичности в статье можно было бы более четко сформулировать потенциальные контраргументы, например, можно ли считать эволюцию Королевского закона целенаправленным процессом или она была скорее реакцией на возникающие кризисы?

Выводы статьи являются обоснованными и логично вытекают из проведенного анализа. Статья вызовет интерес у исследователей государства и права, истории Дании, ученых-конституционалистов, политологов.

Представленная статья является качественным и оригинальным научным исследованием, вносит значимый вклад в изучение датского конституционализма и предлагает модель анализа эволюции ключевого государственно-правового акта Дании. Статья рекомендуется к публикации.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

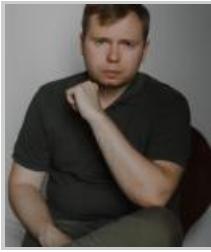
Трапезников А.И. Отсутствие деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности как признак дробления бизнеса // Юридические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76289 EDN: EDQKCY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76289

Отсутствие деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности как признак дробления бизнеса

Трапезников Александр Иванович

аспирант; Юридический факультет; Пермский государственный национальный исследовательский университет

614031, Россия, Пермский край, г. Пермь, Дзержинский р-н, ул. Транспортная, д. 9, кв. 192

✉ trapezsasha@yandex.ru[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.10.76289

EDN:

EDQKCY

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2025

Аннотация: В статье рассмотрена категория деловой цели, широко используемая в налоговых спорах о получении необоснованной налоговой выгоды. Деловая цель рассматривается автором в контексте признаков дробления бизнеса. Вопрос доказывания наличия или отсутствия деловой цели в выбранной налогоплательщиками модели ведения предпринимательской деятельности является актуальным в науке и правоприменительной практике при рассмотрении проблематики дробления бизнеса, так как содержательное значение категории деловой цели мало изучено. Автором изучен генезис правоприменительного подхода к доказыванию отсутствия деловой цели, в связи с чем произведено обращение к зарубежной правоприменительной практике, отражающей формирование судебной доктрины деловой цели, а также проведен анализ формирования представлений о деловой цели в российской правоприменительной практике, связанной с рассмотрением дел о получении налоговой выгоды. Перечислены ключевые взгляды ученых-юристов на деловую цель при выявлении налоговых злоупотреблений, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды.

посредством дробления бизнеса. Автором применены общенаучные методы. В числе основного метода исследования – анализ: его использование в работе связано с изучением доктринальных источников. Результаты анализа изложены в исследовании. Использована индукция, которая применена в целях изучения правоприменительной практики, относящейся к предмету исследования. Автор выявляет правоприменительную проблему отсутствия единого стандарта доказывания деловой цели в налоговых спорах о дроблении бизнеса. Для решения заявленной проблемы было установлено содержательное значение деловой цели и аспектов, подлежащих проверке в целях установления наличия либо отсутствия деловой цели. На основе этого, была предложена методология исследования деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности. Сделаны выводы о деловой цели, как о правовой категории, ориентирующей на поэтапную оценку деловых намерений налогоплательщика при совершении сделки (операции) и полученного экономического эффекта от их реализации; о недопустимости установления деловой цели через другой признак – несамостоятельность налогоплательщиков, участвующих в дроблении бизнеса; о перечне действий правоприменителя при проверке деловой цели и прямых, косвенных аспектах, доказывающих, либо опровергающих присутствие деловых мотивов в поведении налогоплательщика при формировании структуры бизнеса.

Ключевые слова:

налоговая выгода, дробление бизнеса, признаки дробления бизнеса, деловая цель, экономическая обоснованность, судебная доктрина, налоговые споры, судебная практика, экономический эффект, система налогообложения

Введение

Эффективное правовое регулирование и правоприменительная практика формируются не только посредством совершенствования законотворческой деятельности, но и вследствие анализа прикладных проблем юриспруденции и выработки подходов к их решению. Особую актуальность такие исследования приобретают, когда предметом научного изучения выступают категории, не урегулированные законодательством, но являющиеся составной частью правовой реальности. К числу таких категорий относятся налоговая выгода, дробление бизнеса, деловая цель.

Обращение к изучению доказывания отсутствия деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности как признаку дробления бизнеса обусловлено тем, что деловая цель встроена в систему признаков дробления бизнеса, а потому имеет квалифицирующее значение для правоприменителя.

Правоприменительная природа происхождения деловой цели и многообразный контекст ее применения к конкретным фактическим обстоятельствам налогового спора, являющимся предметом судебного рассмотрения, обусловили формирование существенной научной и правоприменительной проблематики в вопросах установления деловой цели налогоплательщика при дроблении бизнеса.

Несмотря на значительное внимание к деловой цели, ее единообразное понимание отсутствует, поскольку сводится к ее наполнению оценочными категориями, превращая деловую цель в гибкий правоприменительный инструментарий, не имеющий правовой определенности.

Целью автора является установление конкретных аспектов проблематики доказывания отсутствия деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности и возможных ее решений, что невозможно без решения задач исследования генезиса категории деловой цели, определения содержательного значения деловой цели, предложении конкретного стандарта доказывания.

Генезис представлений о деловой цели в налоговых спорах

О деловой цели следует сказать с позиций судебной доктрины деловой цели, сформированной в зарубежной правоприменительной практике, а именно – практике США, впоследствии адаптированной в других юрисдикциях.

В деле «*Gregory v. Helvering*» Верховный суд США впервые обратил внимание на необходимость выяснения вопроса о том, были ли в совершаемых сделках цели, не связанные с налоговым мотивом. Суд указал: «если оставить в стороне вопрос о мотивах, связанных с налогообложением, и рассматривать характер разбирательства с точки зрения того, что произошло на самом деле, что мы увидим? Просто операцию, не имеющую деловой или корпоративной цели – простое ухищрение, замаскированное под корпоративную реорганизацию, чтобы скрыть его истинный характер...» [\[1\]](#).

Профессор права юридического факультета Нью-Йоркского университета Д. Элкинс, осуществляя детальный разбор данного дела, указывает: «Решение Верховного суда по делу Грегори... является одним из самых влиятельных решений в области налогообложения. Оно легло в основу ряда важных доктрин, включая принципы деловой цели...» [\[2\]](#).

Дело «*Gregory v. Helvering*» имело бесспорное влияние, в частности, в вопросе применения доктрины деловой цели, что впоследствии было использовано в качестве precedента для разрешения других дел [\[3\]](#).

А.А. Бельтюкова пишет, что доктрина деловой цели нашла свое проявление и в Великобритании, между тем, прошла более долгий путь своего становления: в 1935 г. при разрешении в Палате лордов дела графа Вестминстерского против Службы внутренних доходов (дело «*Duke of Westminster v. IRC*») было признано право налогоплательщика вести свои дела так, чтобы платить меньше налогов [\[4\]](#).

М.А. Ровинский указывает, что только в 1981 г. в решении по делу «*W.T. Ramsay Ltd. v. Inland Revenue Commissioners*», суд изменил свой подход, указав, по сути, что юридическое значение отдельной сделки может игнорироваться в тех случаях, когда вся совокупность сделок имеет своей единственной целью уменьшение налоговой обязанности плательщика [\[5\]](#).

Е.В. Килинкарова, комментируя данное дело, указала, что Палата лордов признала налоговую оптимизацию незаконной, указав, что вовлечение третьей компании в процесс купли-продажи акций между налогоплательщиком и покупателем не имело самостоятельной деловой цели и было направлено исключительно на уменьшение размера налоговой обязанности [\[6\]](#).

Появление доктрины деловой цели в российском правоприменении появилось с принятием Постановления Пленума ВАС РФ № 53 от 12.10.2006 (далее – Постановление № 53), в пункте 3 которого указано, что налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены

операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера).

В пункте 5 Постановления № 53 применительно к согласованным между налогоплательщиками операциям судам было предписано исследовать, обусловлены ли эти операции разумными экономическими или иными причинами (деловыми целями).

Понятие деловой цели было более внятно описано в пункте 9 Постановления № 53: установление судом наличия разумных экономических или иных причин (деловой цели) в действиях налогоплательщика осуществляется с учетом оценки обстоятельств, свидетельствующих о его намерениях получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Там же было отмечено, что судам необходимо учитывать, что налоговая выгода не может рассматриваться в качестве самостоятельной деловой цели. Поэтому если судом установлено, что главной целью, преследуемой налогоплательщиком, являлось получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность, в признании обоснованности ее получения может быть отказано.

В 2017 г. условие соблюдения деловой цели при совершении сделок было включено в содержание подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ, из смысла которого следует, что основной целью сделки (операции) не может являться получение налоговой выгоды.

Из смысла п. 11, 12 Обзора Верховного суда РФ от 13.12.2023 г. следует, что дробление бизнеса является допустимым, если разделение хозяйственных бизнеса было обусловлено целями делового характера. Налогоплательщиком должны быть представлены доказательства, подтверждающие наличие разумных экономических причин в разделении деятельности.

Закрепление деловой цели в правовом регулировании произошло таким же не стандартным путем, как и закрепление родовой категории – налоговой выгоды, в связи с выяснением обоснованности которой упоминается деловая цель: сначала деловая цель появляется в правоприменительной практике в содержании пунктов 3, 5, 9 Постановления № 53, и только потом, при стремлении законодателя кодифицировать сложившиеся в практике подходы, упоминание деловой цели, как условии признания налоговой выгоды обоснованной, было включено в содержание пп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ.

Деловая цель занимает одно из важнейших мест в налоговых спорах, в том числе по делам о дроблении бизнеса. При этом, деловая цель является рабочим инструментом, посредством которого налогоплательщики могут защитить свою позицию, обосновать действия в виде формирования модели ведения предпринимательской деятельности.

В ряде дел, при наличии всех прочих признаков дробления бизнеса, объяснение суду деловой цели осуществленного разделения бизнеса получало положительную оценку, вследствие которой решения налоговых органов признавались недействительными и отменялись.

Деловая цель в налоговых спорах и ее правоприменительная проблематика

Следует обратить внимание, что при проведении налоговых проверок дробления бизнеса исследование деловой цели производится крайне редко. В каждом первом случае

налоговые органы ограничиваются бездоказательной констатацией отсутствия деловой цели, поскольку задачей налогового органа при проверке является вменение налоговой выгоды, при которой деловой цели быть не может по определению, следовательно, обвинительный уклон, с которым составляются акты налоговых проверок и решения по проверкам вопросы деловой цели в своем большинстве игнорируют.

Изложенное объясняется следующим.

Письмом ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ в адрес территориальных налоговых органов были направлены рекомендации по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов, в п. 1 которых в качестве примеров умышленности указано дробление бизнеса.

Учитывая, что данный документ ФНС России ориентируют территориальные налоговые органы на обвинительный уклон, то выяснение вопроса деловой цели не входит в число приоритетов налоговых органов.

Именно поэтому в Письмах № СД-4-7/9113 от 09.08.2024, от 16.07.2024 № БВ-4-7/8051@ ФНС России акцентирует внимание, что именно налогоплательщик осуществляет доказывание наличия разумных экономических причин выбора соответствующей структуры бизнеса. В свою очередь, территориальные налоговые органы ориентированы на выявление критериев операционной несамостоятельности участников схемы.

Одновременно с этим, следует обратить внимание, что в п. 27 Письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ указано, что «...вывод о нарушении требований подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ об исключительно или преимущественно налоговых мотивах организации ведения бизнеса в рамках группы лиц с применением преференциальных специальных налоговых режимов может быть сделан, в частности, в случае, если а) налогоплательщиком ведется деятельность через применяющих специальные налоговые режимы подконтрольных лиц... б) хозяйственная деятельность осуществляется налогоплательщиком и иными входящими в группу лицами с использованием одних и тех же работников и иных ресурсов..., в) осуществляются хотя и разные, но неразрывно связанные между собой направления деятельности...».

Письмом ФНС России от 02.05.2023 № КЧ-4-7/5569@ ведомство направило в налоговые органы позицию, что вывод о нарушении требований подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ и об исключительно или преимущественно налоговых мотивах организации ведения бизнеса в рамках группы лиц с применением преференциальных специальных налоговых режимов может быть сделан, в частности, в случае, если:

- а) налогоплательщиком ведется деятельность через применяющих специальные налоговые режимы подконтрольных лиц, которые не осуществляют ее в своем интересе и на свой риск, не выполняют реальных функций, и принимают на себя статус участников операций с оформлением документов от своего имени в интересах контролирующего лица;
- б) хозяйственная деятельность осуществляется налогоплательщиком и иными входящими в группу лицами с использованием одних и тех же работников, и иных ресурсов при тесном организационном взаимодействии данных лиц;
- в) осуществляются хотя и разные, но неразрывно связанные между собой направления деятельности, составляющих единый производственный процесс, направленный на

получение общего результата.

По сути, это означает, что с позиций ФНС России наличие признаков несамостоятельности лиц, участвующих в модели ведения предпринимательской деятельности, в отношении которой рассматривается дробление бизнеса, фактически означает отсутствие деловой цели.

Однако, следует признать, что такой подход содержит грубую логическую ошибку: один признак изучаемого понятия не может доказывать другой признак, так как они имеют самостоятельное значение.

Такой подход ФНС России привел к следующему: отсутствие самостоятельности участников дробления бизнеса говорит об отсутствии деловой цели. Деловая цель фактически имеет роль не обязательного к анализу налоговыми органами обстоятельства, а приобретает значение только в случае, если налогоплательщик начинает ее доказывать, предъявляя доводы о субъективных намерениях экономического характера и объективных доказательствах реализации таких намерений.

Такой фискальный подход можно понять, так как в задачи налоговых органов не входит оправдание налогоплательщиков, между тем, отсутствие самостоятельности лиц, в отношении которых рассматривается дробления бизнеса, вопреки п. 27 Письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@, п. 1 Письма ФНС России от 02.05.2023 № КЧ-4-7/5569@ еще не говорит об отсутствии деловой цели, поэтому направленность действий на достижение налогового, а не экономического эффекта, также подлежит доказыванию налоговыми органами в обязательном, безусловном порядке, что соотносится с указаниями Верховного суда РФ, указанными в п. 11 Обзора от 13.12.2023 г.

Подходы к категории деловой цели при дроблении бизнеса в юридической науке

Деловая цель является предметом исследовательского интереса многих российских ученых. Для качественного оперирования деловой целью требуется понять, что содержательно она означает, каким образом производить обоснование отсутствия, либо наличия деловой цели.

Д.В. Винницкий указывает, что реальные риски у налогоплательщика возникают, когда потенциальная прибыль по сделке несопоставима с очевидно получаемыми налоговыми преимуществами [7].

М.Р. Пинская, изучая дробление бизнеса, пишет, что в спорах с налоговыми органами плательщик должен доказать, что дробление бизнеса обусловлено деловой целью, т.е. его действия направлены на оптимизацию деятельности, сохранение рынка [8].

А.М. Пшеунов указывает, что для снижения рисков признания дробления бизнеса незаконным необходимо определение четкой, экономически обоснованной цели дробления [9].

В.Г. Залевский, А.А. Щербаков указывают, что при дроблении бизнеса для отмены решения налогового органа требуется, в числе прочего, экономическая или иная целесообразность [10].

С.С. Болучевский указывает, что деловая цель предполагает оценку того, имеется ли в действиях группы субъектов доминирующий налоговый мотив. Поэтому, по мнению С.С. Болучевского, надо разграничивать разделение бизнеса, обусловленное

экономическими мотивами, не связанными с направленностью на неуплату налога, и разделение единого бизнеса между несколькими формально самостоятельными лицами исключительно или преимущественно по налоговым мотивам [\[11\]](#).

А.В. Брызгалин пишет, что налоговая выгода не может быть первоочередной целью, а скорее второстепенной, служебной [\[12\]](#).

С.Г. Пепеляев считает, что выявление и учет деловой цели хозяйственной операции направлены на борьбу с искусственными юридическими конструкциями, не содержащими признаков противоправности (обмана, мошенничества), но не имеющими какого-либо разумного объяснения с позиции хозяйственной необходимости и сооруженными исключительно в целях минимизации налогообложения [\[13\]](#).

А.В. Волков в работе, посвященной дроблению бизнеса в качестве первого обстоятельства, подлежащего доказыванию при дроблении бизнеса, называет наличие в действиях налогоплательщика и его контрагентов общей основной цели – не уплатить либо не полностью уплатить налоги [\[14\]](#).

Как обоснованно заметила А.А. Бельтюкова, деловая цель выступает в качестве инструмента для тестирования и выявления злоупотреблений в налоговой сфере [\[15\]](#).

Изложенная двойственная сущность деловой цели характеризует ее, с точки зрения правовой природы, как квалифицирующий признак, подлежащий установлению при исследовании вопроса о наличии противоправных действий при структурировании бизнеса, а с точки зрения функционального назначения, как правоприменительный инструмент, посредством использования которого реализуется процесс правовой оценки произведенных налогоплательщиком фактических действий и операций.

Однако, рассуждая о деловой цели, юридическая литература, по существу, не отражает ее содержательного значения, не предлагает четких и однозначных методик к проверке намерений налогоплательщика получить экономический и иной деловой эффект от структурирования сделок, не предлагает установления критериев, подходов, при которых деловая цель будет считаться доказанной.

Подходы к установлению деловой цели при дроблении бизнеса в российской судебной практике

Вышеприведенные правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ относительно деловой цели не имеют дальнейшей должной степени конкретизации.

Как правомерно указывает Е.И. Келих, судебная практика не имеет единого подхода к экономической обоснованности (наличия деловой цели) существующей организации бизнеса налогоплательщика. В ряде судебных споров оценка наличия либо отсутствия налогового мотива в действиях налогоплательщика в принципе не находит отражения в тексте судебного акта, а выводы суда основываются только лишь на перечислении ряда обстоятельств, которые могут указывать на несамостоятельность [\[15\]](#).

Следует согласиться с указанной оценкой и привести примеры.

Решением Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-22301/2022 от 25.04.2025 г. рассмотрен спор о дроблении бизнеса, в котором судебный акт содержит перечисление обстоятельств, которые указывают на несамостоятельность участников, входящих в одну группу объединяемых налоговым органом субъектов, в свою очередь,

относительно обстоятельств выяснения деловой цели дробления бизнеса, либо ее отсутствия, в судебном акте ничего не указывается. Суд ограничивается констатацией того обстоятельства, что расширение группы лиц проявлялось при приближении к лимитам по специальным налоговым режимам. Примечательным, при этом, является указание суда на то, что иные обстоятельства не имеют юридического значения для рассмотрения дела. В свою очередь, важно обратить внимание, что дело было рассмотрено судом первой инстанции после направления дела на новое рассмотрение кассационной инстанцией. При первоначальном же рассмотрении дела, суд вынес решение в пользу налогоплательщика и указал, что имело место не формальное разделение бизнеса, а действия бенефициара, направленные на приобретение действующего бизнеса по производству хлеба и кондитерских изделий в других административно-территориальных образованиях, что отвечает принципу свободы экономической деятельности и имеет указанные заявителем разумные деловые цели экономического характера. Между тем, при новом рассмотрении дела данное обстоятельство суд попросту проигнорировал, назвав его не имеющим правового значения.

В Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.07.2025 по делу № А39-8321/2023 кассационный суд указал, что схема хозяйствования налогоплательщика иного экономического смысла, кроме минимизации налоговых обязательств путем распределения выручки и персонала между взаимозависимыми и подконтрольными участниками, применяющими упрощенную систему налогообложения, не имела. Организации, участвующие в схеме, не отвечают признакам самостоятельных хозяйствующих субъектов.

Вместе с тем, Постановлением Арбитражного суда Уральского округа по делу № А71-15775/2022 от 07.07.2025 г. установлено, что суды посчитали доказанным наличие разумной (деловой) цели для разделения бизнеса по реализации оптом (одним лицом) и в розницу (вторым лицом), при этом, отсутствуют явные подтверждения несамостоятельности лиц.

Такая же ситуация наблюдается и в других делах.

По существу, из судебных актов наблюдается следующая картина: когда налоговый орган доказывает отсутствие самостоятельности лиц, включаемых инспекцией в число участников дробления бизнеса, то это в большинстве случаев само по себе квалифицируется как признак отсутствия деловой цели в модели ведения бизнеса, а потому деловые цели формирования модели ведения предпринимательской деятельности по факту не анализируются судами, как не имеющие правового значения, так как несамостоятельность выступает подтверждением налогового мотива. В свою очередь, когда налоговым органом не собрано однозначных и убедительных доводов о несамостоятельности, а также (особенно) при ведении участниками дробления бизнеса разных видов деятельности, суды начинают вспоминать о деловой цели, как необходимом признаке дробления бизнеса. В таком случае приводимые доводы налогового органа о несамостоятельности теряют значение. Вследствие чего, следует обратить внимание на очевидную проблему отсутствия постоянства признака деловой цели в предмете доказывания по судебным спорам о дроблении бизнеса.

Подходы к квалификации деловой цели

Российское законодательство и правоприменительная практика не дают ответов на вопрос о том, как производить квалификацию отсутствия или наличия деловой цели при

получении налоговой выгоды, в частности, в спорах о дроблении бизнеса.

Однако, учитывая преемственность российского правоприменения от подходов судебной практики и законодательства США, следует обратиться к достижениям научной мысли и практики в данной юрисдикции.

Так, Д. Ларо указывает, что доктрина деловой цели позволяет суду пренебречь сделкой, если при изучении субъективной мотивации налогоплательщика суд определит, что у налогоплательщика не было другой цели, кроме уменьшения налоговых обязательств. В числе принципов определения деловой цели автор, на основе анализа судебной практики США указывает следующее:

- установление рациональной связи между сделкой и полезной неналоговой целью в свете экономической ситуации, поведения и намерений налогоплательщика;
- полезность заявленной цели и средства, выбранные для ее достижения, должны оцениваться в соответствии с принятыми промышленными и торговыми обычаями;
- рациональная связь между целью и средствами в сделке, как правило, будет признана отсутствующей, если налогоплательщик не предполагал получить неналоговую выгоду, сопоставимую по меньшей мере с транзакционными издержками;
- должно быть установлено наличие у налогоплательщика полезной неналоговой цели и значимое, ощутимое улучшение его экономического положения;
- суд должен тщательно проанализировать ее по двум взаимосвязанным аспектам: по объективной экономической сущности сделки и по субъективному намерению участника в сделке налогоплательщика [\[16\]](#).

Е.В. Килинкарова отмечает, что в судебной системе США отсутствует единый подход к определению степени изменения экономического положения налогоплательщика, которое было бы достаточным для признания налоговой оптимизации недопустимой: отдельные суды считают необходимым фактическое изменение финансового положения налогоплательщика, другие полагают, что достаточно возможности получения прибыли [\[6\]](#).

Д. Ларо также обращает внимание, что одни суды применяют комплексный подход, в соответствии с которым налогоплательщик должен доказать, что у сделки есть и объективная экономическая сущность, и субъективная деловая цель. Другие суды используют иной подход, в соответствии с которым сделка признается судом в налоговых целях, если у нее есть либо экономическая сущность, либо субъективная деловая цель. Между тем, противоречия в судебной практике США были преодолены путем принятия раздела 7701 (o) Кодекса внутренних доходов США [\[17\]](#).

Е.П. Шестернева со ссылками на раздел 7701 (o) Кодекса внутренних доходов США, указывает, что согласно его положениям сделка признается содержащей реальное экономическое существование, если совершение подобной сделки привело к изменению финансового состояния налогоплательщика, налогоплательщик имел существенную цель для совершения сделки (в качестве подобной цели не может выступать получение налоговой выгоды). Как верно указывает Е.П. Шестернева, согласно данному подходу суды должны проводить две оценки: объективных и субъективных показателей. Объективные показатели проверяются через исследование экономических и финансовых показателей операции. Субъективные показатели означают проверку намерений

налогоплательщика получить экономический эффект от сделки, какие цели, помимо налоговой выгоды, ставил перед собой налогоплательщик [\[18\]](#).

Таким образом, правоприменение в США пришло к тому, что понятие деловой цели характеризует субъективные намерения налогоплательщика по получению делового эффекта (не обязательно экономического), не связанного с получением налоговой выгоды. При этом, проверка деловой цели осуществляется посредством выяснения объективного аспекта в виде экономических показателей сделки и ее способности принести налогоплательщику экономические результаты.

Фактически, можно заключить, что важны не только субъективные намерения налогоплательщика и декларируемые им намерения, но и реальная возможность их достижения. Таким образом, деловая цель верифицируется через фактическое изменение экономического положения налогоплательщика.

Алгоритм оценки наличия или отсутствия деловой цели в модели ведения предпринимательской деятельности

Вышеуказанные подходы свидетельствуют, что для целей российского правоприменения самым логичным и очевидным предложением является использование двухступенчатого анализа из судебной практики США:

- по выяснению субъективных деловых (в т.ч. экономических) намерений налогоплательщика при формировании структуры бизнеса;
- объективной реализации этих намерений в виде полученного экономического результата.

В указанном аспекте важно обозначить, что деловая цель должна рассматриваться как совокупность разнообразных бизнес-намерений, которые прямо (т.е. очевидно), либо косвенно (не очевидно, опосредованно) влекут увеличение экономических результатов предпринимательской деятельности.

Предметом доказывания по делам о дроблении бизнеса должна быть как субъективная деловая цель, так и ее объективное подтверждение. Следует обратить внимание, что заявление одних деловых намерений является не достаточным, важна их объективная реализация в бизнесе.

В.И. Авдийский, изучая категорию деловой цели при изменении структуры бизнеса, пишет, что корпоративная реструктуризация представляет собой процесс стратегических изменений в структуре бизнеса или организации, направленных на улучшение ее функционирования, повышение эффективности и оптимизацию налоговых обязательств. Деловая цель при дроблении бизнеса является некой формой экономического обоснования формирования структуры группы однородных компаний. Практики ошибочно выделяют среди неналоговых целей дробления административную, управленческую и прочую деятельность [\[19\]](#).

С точки зрения А.Д. Шелкунова, главной предпринимательской деятельности с точки зрения рыночной экономики, т. е. капитализма и ст. 23 ГК РФ является извлечение прибыли и ее максимизация [\[20\]](#). В этой связи любое управленческое решение, в том числе в отношении структуры компании, направлено прямо или косвенно на извлечение прибыли.

В этой связи, ключевым аспектом является определение субъективного стремления (и

его реального объективного достижения) к получению экономического эффекта от формирования новых хозяйствующих субъектов.

Наиболее показательным судебным актом в исследовании экономической обоснованности разделения бизнеса является Постановление Седьмого апелляционного арбитражного суда по делу № А45-11180/2023 от 12.11.2024 г., где апелляционным судом был отменен судебный акт суда первой инстанции, так как принятые доводы налогоплательщика, что хозяйственная деятельность трех объединяемых в группу организаций не является единым производственным процессом, так как по своей сути это разные организации с совершенно разными и независимыми друг от друга бизнес-направлениями, между организациями присутствуют исключительно договорные отношения. Каждая организация создана в разные промежутки времени. В случае осуществления хозяйственной деятельности по модели, предложенной налоговыми органами (т.е. путем объединения всех направлений деятельности на одном лице), налогоплательщик бы не достигал главной цели предпринимательской деятельности, которая заключается в получении прибыли, деятельность общества была бы направлена исключительно на уплату НДС в бюджет и несение обществом постоянных убытков. Исследуя обстоятельства дела суд обязал налоговый орган представить расчет налоговой выгоды по группе компаний с учетом применяемых систем налогообложения, доходов и расходов налогоплательщиков, в сравнении если бы бизнес не был разделен. Налогоплательщика суд обязал представить письменные пояснения с мотивированным обоснованием (расчетом) экономической целесообразности разделения производственной деятельности и розничной торговли в целях налогообложения.

Логика правоприменительного исследования вопроса о деловой цели дробления бизнеса должна строиться на одновременном совокупном анализе субъективного и объективного подтверждения деловой цели и, главным образом, экономической обоснованности поведения налогоплательщика при формировании структуры бизнеса, появление разделения (новых связанных лиц) не в связи с намерениями получить налоговую экономию. Акцент на выяснение экономической обоснованности обусловлен тем, что в любой модели ведения предпринимательской деятельности можно заявить хоть какую-то не экономическую цель, не связанную с получением налоговой экономии, между тем, по ст. 23 ГК РФ цель бизнеса – извлечение прибыли, поэтому исследования экономической обоснованности действий налогоплательщика является первоочередным и квалифицирующим аспектом.

Приведенная в настоящей работе правоприменительная практика свидетельствует о том, что алгоритм верификации деловой цели складывается из следующего исследования:

- 1) выяснение того, мог ли налогоплательщик извлекать прибыль от деятельности в случае, если бы бизнес был консолидирован на одной компании / предпринимателе в группе, применяющем общую систему налогообложения, либо состав всей совокупности расходов приводил бы данный бизнес к убытку, что противоречит цели ведения деятельности. Установление данного аспекта должно осуществляться либо на основании предоставления двух альтернативных и документально обоснованных расчетов налогоплательщика и налогового органа, либо путем назначения судебной экспертизы и использования иных средств доказывания (консультация специалиста и пр.). Выяснение данного аспекта требуется для того, что по ст. 23 ГК РФ бизнес создается не для целей уплаты налогов, а для целей извлечения прибыли. Между тем, любопытным наблюдением автора является то, что в решениях по делам о дроблении бизнеса налоговые органы зачастую устанавливают наличие переплаты по

налогу на прибыль (т.е. фактически говорят, что при консолидации доходов и расходов всех участников схемы, бизнес получает убыток), а доначисление производится по НДС. При этом, находясь на упрощенной системе налогообложения (с базой «доходы минус расходы») налогоплательщик даже при получении убытка в силу п. 6 ст. 346.18 НК РФ заплатит в бюджет 1% от полученного дохода, а потому не нарушает интересы бюджета.

2) Исторический аспект появления каждого участника в группе налогоплательщиков, которым производится вменение дробления бизнеса. Это важно с той точки зрения, что позволяет установить обстоятельства создания участника вменяемой схемы, ее связь с потенциальными налоговыми мотивами, которые могли существовать в момент создания (приближение к лимитам по выручке, числу работников, стоимости основных средств и пр., которые могут говорить о целях получения налоговой выгоды [\[7\]](#)), кем принимаются решения о создании новых компаний, при каких обстоятельствах (которые могут быть объективными: создание новых направлений бизнеса, выделение специализаций в текущем бизнесе, проектная компания; обстоятельства могут быть бытовыми: наследование, расторжение брака, раздел бизнеса между собственниками вследствие расхождений в бизнес-интересах и пр.). Исторический аспект зачастую помогает налогоплательщикам отразить весь контекст деятельности бизнеса в определенной хронологической ретроспективе. Наряду с этим исторический аспект может быть проявлением недобросовестности действий налогоплательщика при создании (выделении) юридического лица исключительно для уменьшения налоговой нагрузки.

3) привело ли расширение числа налогоплательщиков в группе к увеличению выручки, прибыли и, как следствие, налоговых платежей в бюджет, в налоговых периодах, следующих за периодами создания новых участников. Исследование указанного аспекта имеет правовое значение, так как позволяет установить: стал ли налогоплательщик платить меньше налогов после появления нового участника (т.е. был ли реализован предполагаемый налоговый мотив в виде получения налоговой экономии при расширении бизнеса), либо все-такие налоговая нагрузка увеличилась вслед за расширением экономической деятельности.

Налогоплательщик также может использовать изложенные выше экономические обстоятельства для формирования позиции по делу.

Следует выделить обстоятельства, которые не связаны с экономической обоснованностью, но также подтверждают деловое целеполагание налогоплательщика (однако, являются факультативными):

- 1) изучение рынка и конкурентов позволяет определить, каким образом ведут деятельность конкуренты, как выстраивают структуру бизнеса и какую систему налогообложения применяют. Если данная система налогообложения у конкурентов относится к специальным налоговым режимам, то ведение конкурентной деятельности на общей системе налогообложения, как правило, становится невозможным;
- 2) диверсификация потенциальных существенных рисков и вычисление того, какими были бы потери при реализации таких рисков. В указанном аспекте важно доказать наличие реального риска и расчета экономических потерь при его реализации;
- 3) обоснование того, что нового возникло в деятельности нового участника гражданского оборота: новый бренд, новый товар (работа, услуга), новое направление деятельности, новые рынки сбыта, разделение по группам покупателей, лицензирование деятельности, вывод из операционного бизнеса непрофильных активов путем их консолидации на новой компании и пр. Важно обратить внимание, что демонстрация

разницы (новизны) в деятельности является весьма весомым фактором.

Также к числу иногда учитываемых, но не являющихся определяющими аспектами относятся следующие обстоятельства, указываемые Е.И. Келих: развитие деловых связей учредителей, выполнение требований заказчика об отсутствии кредитных обязательств; необходимость гибкого планирования, управления жизнедеятельностью организаций [15].

В.И. Авдийский в числе потенциальных обстоятельств, свидетельствующих о деловых целях, называет: оптимизацию структуры управления предприятием, решении отдельных задач менеджмента; диверсификации инвестиционных рисков; привлечении целевого финансирования; привлечении кредитов и займов с наиболее выгодными условиями и прочие частные [19].

Следует признать, что многообразие гражданского оборота предопределяет многообразие субъективных намерений налогоплательщиков и отсутствие фактической возможности единообразно закрепить стандарт доказывания наличия деловой цели. Между тем, выше приведены верифицируемые и принимаемые практикой обстоятельства, которые подлежат принятию во внимание как налогоплательщиками при осуществлении планирования деятельности, так и правоприменителями при рассмотрении налоговых споров.

Выводы

По результатам проведенного исследования автор приходит к выводам:

Деловая цель – судебная доктрина, разработанная судами США и широко применяемая в судебной практике зарубежных стран, ориентирующая суды на двухэтапную проверку наличия неналоговой цели в сделке (операции): объективных и субъективных показателей. Объективные показатели проверяются через исследование экономических и финансовых показателей операции. Субъективные показатели означают проверку намерений налогоплательщика получить экономический эффект от сделки.

Содержательное значение категории деловой цели в российском праве не раскрыто, однако, указание на необходимость ее учета при оценке деятельности налогоплательщика содержится в п. 3, 5, 9 Постановления № 53, п. 11, 12 Обзора судебной практики Верховного суда РФ от 13.12.2023 г., пп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ.

Признак дробления бизнеса в виде несамостоятельности налогоплательщиков, объединяемых налоговым органом в одну группу, не должен рассматриваться как признак отсутствия деловой цели.

Деловая цель при дроблении бизнеса является обобщенным обозначением субъективных намерений налогоплательщика достичь экономического и иного бизнес-эффекта при формировании модели ведения предпринимательской деятельности, нашедших свое объективное воплощение в результатах деятельности. Деловая цель подлежит определению правоприменителем по изложенным двум аспектам. Провозглашаемые налогоплательщиком субъективные намерения не должны иметь правового значения. Правовое значение приобретается в случае наличия объективных подтверждений реализации заявленных деловой цели.

Действия правоприменителя при проверке деловой цели должны включать обязательное установление следующих объективных верифицируемых обстоятельств экономической

обоснованности: мог ли налогоплательщик извлекать прибыль от деятельности в случае, если бы бизнес был консолидирован; исторический аспект появления каждого участника в группе налогоплательщиков; привело ли расширение числа налогоплательщиков в группе к увеличению выручки, прибыли и, как следствие, налоговых платежей в бюджет.

Действия налогоплательщика при обосновании деловой цели должны заключаться как в раскрытии аспектов экономической обоснованности, указанных автором в качестве обязательных к проверке правоприменителями, так и факультативных обстоятельств, которые не связаны с экономической обоснованностью, но также подтверждают деловое целеполагание налогоплательщика: изучение системы налогообложения конкурентов, возможности ведения конкурентной деятельности и расширения бизнеса; диверсификация потенциальных существенных рисков и вычисление того, какими были бы потери при реализации таких рисков; что нового возникло в деятельности созданного участника гражданского оборота.

Библиография

1. The US Supreme Court's Judgement of 01/07/1935 in the case Gregory v. Helvering (application no. 127). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/293/465/> (дата обращения 27.08.2025).
2. Elkins, D. Gregory v. Helvering: A Red Herring that Shaped Tax Jurisprudence. – [Электронный ресурс]. – Berkeley Bus. L. J. P. 171 (2024). – URL: <https://ssrn.com/abstract=4575780> (дата обращения 27.08.2025).
3. The US Tax Court Judgement of 02/02/1988 in the case Esmark Inc. v. Commissioner of Internal Revenue (application no. 33581-84). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.leagle.com/decision/198826190ntc1711248> (дата обращения 27.08.2025).
4. Бельтюкова А.А. Доктрина деловой цели в налоговом праве России: от средства доказывания в спорах о недобросовестности налогоплательщика до средства оценки обоснованности получения налоговой выгоды // Финансовое право. 2013. № 1. С. 19-29. EDN: PUJVDL.
5. Ровинский М.А. Пределы допустимого налогового планирования: история и актуальные тенденции // Московский юрист. 2013. № 2. С. 32-47.
6. Килинкарова Е.В. Допустимая налоговая оптимизация в судебных доктринах США и Великобритании // Закон. 2012. № 1. С. 166-172. EDN: OOASSF.
7. Винницкий Д.В. Добросовестность, обоснованность выгоды, пределы осуществления прав, или как российское налоговое право оказалось на передовых рубежах борьбы со злом, гнездящимся в налогоплательщиках // Закон. 2018. № 11. С. 44-57. EDN: YQXTYT.
8. Пинская М.Р. Налоговые риски государства, связанные с дроблением бизнеса, в ЕАЭС // Налоги. 2019. № 4. С. 42-45.
9. Пшеунов А.М. Дробление бизнеса с точки зрения оценки обстоятельств получения необоснованной налоговой выгоды // Финансовое право. 2024. № 6. С. 26-29. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-6-26-29. EDN: GCFAIR.
10. Залевский В.Г., Щербаков А.А. Правовые последствия дробления бизнеса как способа оптимизации налогообложения предприятий, применяющих упрощенную систему налогообложения // Налоги. 2017. № 5. С. 7-10.
11. Болучевский С.С. Дробление бизнеса: пределы допустимого // Налоговед. 2023. № 8. С. 33-46. EDN: DFVZRU.
12. Брызгалин А.В., Путилова М.Ю. О рисках квалификации действий в качестве "дробления бизнеса" // Налоги и финансовое право. 2021. № 5. С. 154-158. EDN: STZOON.
13. Пепеляев С.Г. Деловая цель сделки // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 3-9.
14. Волков А.В., Блинков О.Е. Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник

- Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 261-280. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-261-280. EDN: MHLGDG.
15. Келих Е.И. Дробление бизнеса: понятие, признаки, доказательства и доказывание // Подготовлен для справ.-прав. системы "КонсультантПлюс". 2025.
16. Ларо Д. Опыт США: доктрины экономической сущности и деловой цели // Налоговед. 2010. № 6. С. 62-71. EDN: KYOMIB.
17. Ларо Д. Актуальные налоговые споры в США // Налоговед. 2012. № 6. С. 72-83. EDN: OZLFCR.
18. Шестернева Е.П. Проблемы применения судебных налоговых доктрин в Соединенных Штатах Америки на примере доктрины экономической сущности // Налоги. 2021. № 5. С. 42-45.
19. Авдийский В.И. Финансовые расследования фактов корпоративной реструктуризации: обоснование деловой цели и снижение налоговой нагрузки // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 4. С. 1-16. EDN: JKQMZO.
20. Шелкунов А.Д. Деловая цель как признак обоснованности налоговой выгоды // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2011. № 4. С. 86-89. EDN: OHICNF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена комплексному анализу одной из наиболее дискуссионных категорий в современном налоговом праве – деловой цели, ее месту и значению в контексте квалификации дробления бизнеса. Предметом исследования выступает правовая природа деловой цели, ее генезис, проблематика доказывания в судебных спорах, а также выработка конкретного алгоритма оценки ее наличия или отсутствия.

Методология исследования является комплексной и включает в себя историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и системный методы. Автор последовательно прослеживает становление доктрины деловой цели в зарубежной практике, начиная с классического precedента США «*Gregory v. Helvering*», и ее последующую рецепцию в российской правовой системе через Постановление Пленума ВАС РФ № 53 и нормы ст. 54.1 НК РФ. Такой подход позволяет выявить как общие принципы, так и национальную специфику применения данного инструмента. Эмпирическая база сформирована на основе анализа современной судебной практики арбитражных судов, что придает работе выраженный прикладной характер.

Актуальность темы не вызывает сомнений. Вопросы квалификации дробления бизнеса и доказывания необоснованной налоговой выгоды остаются в фокусе внимания как фискальных органов, так и правоприменителей. Отсутствие законодательной дефиниции деловой цели и ее оценочный характер порождают правовую неопределенность и существенные риски для добросовестных предпринимателей. В этом контексте работа, направленная на структурирование и конкретизацию данного понятия, представляется чрезвычайно востребованной.

Научная новизна статьи заключается в попытке преодолеть умозрительность многих

существующих исследований и предложить конкретный, верифицируемый алгоритм оценки деловой цели. Ключевым предложением автора является адаптация для российской практики двухступенчатого анализа, заимствованного из опыта США, который предполагает проверку как субъективных намерений налогоплательщика, так и объективных экономических результатов его деятельности. Особую ценность имеет разработанный автором перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, который делится на обязательные (анализ экономической обоснованности консолидации бизнеса, исторический аспект создания компаний, динамика налоговых платежей) и факультативные (изучение практики конкурентов, диверсификация рисков, появление новых активов). Такой структурированный подход позволяет перевести дискуссию о деловой цели из плоскости абстрактных рассуждений в плоскость конкретных экономических расчетов и документального подтверждения.

Стиль статьи в целом соответствует жанру научной публикации, однако местами текст перегружен сложными синтаксическими конструкциями, что несколько затрудняет восприятие. Структура работы логична и последовательна: от общего анализа категории к конкретным проблемам правоприменения и авторским предложениям. Содержательно статья демонстрирует глубокое погружение автора в проблематику, что проявляется в умелом оперировании судебной практикой и научными позициями.

Библиографический список релевантен и достаточно обширен, включает как классические труды российских ученых (С.Г. Пепеляев, Д.В. Винницкий), так и актуальные публикации 2023-2025 годов, а также источники на английском языке, что свидетельствует о серьезной работе с первоисточниками. Вместе с тем, в тексте присутствуют ссылки на судебные акты с обращением к ним в августе 2025 года (рецензия осуществляется в октябре), что в условиях динамично меняющейся практики требует от автора повышенной уверенности в их неизменности к моменту публикации.

К потенциальным оппонентам можно отнести тех исследователей и практиков, которые считают, что признак несамостоятельности участников бизнеса является самодостаточным для вывода об отсутствии деловой цели. Автору удается аргументированно, через выявление логической ошибки, оспорить эту распространенную позицию ФНС России и судов, что является сильной стороной работы.

Основные выводы работы являются обоснованными и вытекают из проведенного исследования. Автор убедительно доказывает, что деловая цель должна верифицироваться через единство субъективного намерения и объективного экономического результата, а не подменяться формальными признаками операционной взаимосвязи. Предложенный алгоритм имеет высокую практическую ценность как для налогоплательщиков при построении защитной позиции, так и для судов при формировании единообразного подхода к оценке обстоятельств дела.

Статья, безусловно, представляет научный и практический интерес для читательской аудитории журнала «Юридические исследования» – ученых, практикующих юристов, судей и государственных служащих. Она вносит значительный вклад в доктрину налогового права и предлагает конкретные пути решения одной из самых острых прикладных проблем.

Данная работа заслуживает публикации в журнале «Юридические исследования» после устранения обозначенных выше замечаний. Для усиления научного вклада и

практической применимости автору рекомендуется формализовать предложенный алгоритм в виде четко сформулированных тезисов или пошаговой методики, возможно, в форме отдельного параграфа.

Англоязычные метаданные

Nature-like technologies in agriculture as the basis for rational use of natural resources in the industry: directions for the development of legal regulation and law enforcement

Rednikova Tatiana Vladimirovna

PhD in Law

Senior Researcher; Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, IGP RAS

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

✉ trednikova@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing problem of food security in the context of demographic growth and the need to develop agricultural production, taking into account the protection of natural resources. The article discusses a range of issues related to the introduction of nature-like technologies in the agricultural sector of the economy. The purpose of the work is to analyze modern approaches to the development of agricultural production based on nature-like technologies, to study the legal mechanisms for their implementation and to assess the impact on ensuring food security of the state. Special attention is paid to the importance of legal regulation of innovative agricultural methods, which is important for developing strategies for the development of this area, taking into account the results obtained in the process of a comprehensive interdisciplinary study of the possible practical application of such technologies, their advantages, as well as possible negative consequences. Using general scientific and special methods (historical analysis, generalization, formal legal, comparative legal), the article examines strategic documents and regulatory legal acts in the field of the development and application of nature-like technologies and other innovative methods of agricultural production, the article concludes that the further development and implementation of such technologies will solve many problems. The problems of the modern agricultural sector and ensure food security for both individual countries and the whole of humanity. At the same time, the process of improving legal regulation in the field under consideration should not lag behind the speed of scientific and technological progress, on the one hand minimizing possible risks, and on the other hand ensuring a proper degree of freedom of scientific research and optimizing the processes of their practical implementation. Priority should be given to the development and consolidation of criteria for classifying technology as nature-like. Government support measures for the practical implementation of nature-like technologies, both administrative and financial, as well as the training of specialists in various fields with the necessary knowledge and skills, also need to be regulated.

Keywords: legal regulation, nature, development strategy, food security, nature like technologies, innovative technologies, environment, law, criteria, national security

References (transliterated)

1. Rednikova T.V. Pravo kazhdogo na blagopriyatnyu okruzhayushchuyu sredu v rossiiskoi federatsii skvoz' prizmu ekologicheskikh konfliktov // Ekologicheskoe pravo. 2025. № 2. S. 29-33. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-2-29-33 EDN: DWBBCZ.
2. Akhmadiev G.M. Razrabotka prirodo-podobnoi modeli dlya ustoichivogo razvitiya sel'skogo khozyaistva // Agroekologicheskie aspeky ustoichivogo razvitiya APK.

- Materialy XX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' II. Bryanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. 2023. S. 188-193. EDN: CHTFJK.
3. Gusev E.M. Neizbezhnost' i perspektivy ispol'zovaniya chelovechestvom strategii "zelenogo zemledeliya" // Aridnye ekosistemy. 2019. T. 25. № 3 (80). S. 3-10. EDN: DZWUGF.
 4. Savenkov A.N. Novyi tekhnologicheskii uklad i sotsiogumanitarnye vyzovy // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 1. S. 14-36. DOI: 10.31857/S1026945225010017. EDN: DKCZWS.
 5. Baksanskii O.E. Ot tekhnogenного obshchestva k istokam prirodopodobnykh tekhnologii // Kolleksiya gumanitarnykh issledovanii. 2017. № 3 (6). S. 6-14. EDN: ZBBSOF.
 6. Rednikova T.V. K voprosu o pravovom ponyatii i kriteriyakh prirodopodobnykh tekhnologii // Juridicheskie issledovaniya. 2025. № 6. S. 27-43. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.75013 EDN: LGLNSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75013
 7. Gulyanov Yu.A. Rol' prirodopodobnykh tekhnologii v formirovaniii ekologicheskii sbalansirovannykh agrolandshaftov v posttselinnykh regionakh stepnoi zony Rossii // Voprosy stepevedeniya. 2024. № 2. S. 106-120. DOI: 10.24412/2712-8628-2024-2-106-120. EDN: CURMTO.
 8. Dubovik O.L. Ekologicheskaya konfliktologiya (preduprezhdenie i razreshenie ekologo-pravovykh konfliktov). M., 2019. – 280 s. EDN: OEKEXU.
 9. Koval'chuk M.V., Naraikin O.S. Prirodopodobnye tekhnologii – novye vozmozhnosti i novye ugrozy // Indeks bezopasnosti. 2016. T. 22. № 3-4 (118-119). S. 103-108. EDN: YRNQYF.
 10. Agafonov V.B. Ekologo-pravovoe obespechenie regulirovaniya ispol'zovaniya prirodopodobnykh tekhnologii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2025. № 1. S. 22-30. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.125.1.021-030. EDN: PTPQMZ.
 11. Dubovik O.L., Ivanova A.L., Kalinichenko V.T., Rednikova T.V., Rerikht A.A. Ekologicheskaya politika Evropeiskogo Soyuza v sfere pravovogo regulirovaniya oborota produktov i produktov // Ekologicheskoe pravo. 2008. № 2. S. 33-37. EDN: JSDBEJ.
 12. Bakieva V.G. Permakul'tura – sistema vedeniya sel'skogo khozyaistva // Sintez nauki i obshchestva v reshenii global'nykh problem sovremennosti. Sbornik statei po itogam Mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 4 chastyakh. 2017. S. 221-223. EDN: ZSBBKJ.
 13. Svetskii A.V. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sel'skom khozyaistve // Sel'skoe khozyaistvo. 2022. № 3. S. 1-12. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.3.39469 EDN: YVZSAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39469
 14. Gusev E.M. Evolyutsiya tekhnologii v zemledelii: ot "serykh" do "zelenykh" // Aridnye ekosistemy. 2020. T. 26. № 1 (82). S. 3-12. EDN: CZCAHB.
 15. Ustyukova V.V. Ispol'zovanie innovatsii v sel'skom khozyaistve kak faktor obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti (pravovoi aspekt) // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2025. № 3. S. 1-11. DOI: 10.7256/2306-9945.2025.3.76049 EDN: VONFPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76049
 16. Lyutykh O. No-till: mify, opyt i nauka. AgroForum. 2020. № 2. S. 22-31. EDN: BWZDWI.
 17. Dridiger V.K. Sostoyanie provedeniya issledovanii po minimizatsii obrabotki pochvy i pryamomu posevu // Sel'skokhozyaistvennyi zhurnal. 2019. № S5 (12). S. 1-17. DOI:

Abuse of the right to make a lawyer's request: limits of acceptability and liability for violations

Eteev Konstantin Igorevich

PhD in Law

Lecturer; Department of Advocacy, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Lawyer; Moscow Law Chamber

123242, Russia, Moscow, Presnensky district, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 2

 kievteev@msal.ru

Abstract. The subject of the study is the institution of the lawyer's request as a key status right of the lawyer, ensuring the realization of the constitutional right to receive qualified legal assistance. The article is devoted to analyzing the legal nature of the lawyer's request, defining the limits of its permissible use, and identifying forms of abuse of this right. Seven criteria for the legitimacy of the lawyer's request are examined, including its connection with providing assistance to a specific client, the evidentiary nature of the requested information, the correspondence to the competence of the addressee, and the observance of attorney-client privilege. Special attention is given to the analysis of six main forms of abuse of the right to a lawyer's request, including sending requests beyond the scope of legal assistance, using requests to obtain legal clarifications, and discrediting procedural opponents. Disciplinary liability of lawyers for violations in the use of the lawyer's request is also considered. The work employs the formal-legal method for analyzing legislation on advocacy, the comparative-legal method in studying the disciplinary practices of various bar associations, as well as the system analysis method to determine the criteria for distinguishing between lawful use and abuse of the right to a lawyer's request. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive systematization of the criteria for the legitimacy of a lawyer's request and the classification of forms of abuse of this right, taking into account current legislation and disciplinary practice. For the first time, a holistic system of seven criteria for permissible use of a lawyer's request and six forms of its abuse is proposed. It is concluded that a lawyer's request is a means of gathering information to provide qualified legal assistance, rather than an independent type of such assistance, which is fundamentally important for defining the limits of its use. The necessity of maintaining a balance between ensuring effective protection of clients' rights and preventing abuses that undermine trust in advocacy as a public institution is substantiated. It is established that abuse of the lawyer's request violates the principle of good faith and may entail disciplinary liability up to the termination of the lawyer's status.

Keywords: attorney's request, abuse of rights, disciplinary liability, limits of exercise of rights, attorney-client privilege, attorney's status rights, attorney ethics, good faith, lawyer, lawyer status

References (transliterated)

1. Plyaniol', M. Kurs frantsuzskogo grazhdanskogo prava. Chast' pervaya. Teoriya ob obyazatel'stvakh / Marsel' Plyaniol'; perevod s frantsuzskogo V. Yu. Gartmana. – Petrokov: izdanie tipografii S. Panskogo, 1911. – XXIV, 504 s.

Adaptive constitutionalism in the context of migration-driven

transformation: challenges to national identity and institutional adaptation strategies

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

140570, Russia, Moscow region, Mendeleevo village, industrial zone VNIIFTRI, 11

 psu70@bk.ru

Abstract. Contemporary migration processes represent not merely a demographic phenomenon but a fundamental challenge to traditional constitutional paradigms, which have long been predicated on the assumption of a homogeneous national legal and cultural space. Globalization, armed conflicts, economic instability, and climate crises generate unprecedented population movements that transform not only the social and ethnic composition of host states but also the very understanding of sovereignty, citizenship, and the legal status of the individual. In this context, growing tension emerges between the universal norms of international law—enshrining migrants' rights as an integral part of human rights—and national constitutional frameworks oriented toward protecting historically established values, identity, and public order. Consequently, the constitution ceases to function solely as an internal state act and enters into dialogue with transnational legal realities, necessitating a rethinking of its role as an instrument not only of legitimizing power but also of managing social complexity. This dilemma is particularly acute in states with recently formed or reconstructed constitutional systems, where the process of constitutionally articulating national identity remains incomplete while migration exerts direct pressure on political stability and legal culture. The methodological foundation of the study is an interdisciplinary approach combining constitutional legal analysis, comparative legal methodology, elements of sociological research on legal consciousness, and doctrinal interpretation. Additionally, the research employs analysis of international and regional migration standards, including the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990), the European Agenda on Migration, and regional agreements within the CIS framework. This comprehensive methodology enables the identification of general trends while accounting for the specificity of legal cultures—a crucial consideration when addressing issues concerning national identity and sovereignty. The scientific novelty of this study lies in the systematic development—within both Russian and international constitutional legal doctrine—of the concept of "adaptive constitutionalism" as a theoretical and normative response to challenges posed, among others, by migratory transformation. Unlike traditional approaches that view the constitution as a static document fixing a once-and-for-all social contract, adaptive constitutionalism is understood as a dynamic model capable of institutional and substantive evolution in response to internal and external factors, including migration flows. The study contributes to the theory of legal identity by integrating it with migration law and constitutional theory—an especially relevant endeavor for the post-Soviet space, where nation-building and constitutional identity formation occur alongside intense migratory exchanges. Comparative analysis reveals that the most effective strategies combine inclusivity with clear legal boundaries, as exemplified by the Canadian model of multiculturalism or the German model of constitutional patriotism. In the Russian context, however, mechanisms for genuine integration remain underdeveloped, and there is a risk of instrumentalizing constitutional identity to legitimize restrictive migration policies. The article concludes that adaptive constitutionalism does not weaken but rather strengthens the constitutional order by enhancing its legitimacy, inclusivity, and capacity for reflexive self-

transformation.

Keywords: legal status of migrants, multiculturalism, constitutional patriotism, integration of migrants, legal pluralism, constitutional loyalty, national identity, constitutional identity, migration transformation, adaptive constitutionalism

References (transliterated)

1. Grimm D. The Achievement of Constitutionalism and its Prospects in a Changed World / D. Grimm // The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 3-23. – (Oxford Constitutional Theory).
2. Poyarkov S.Yu. Adaptivnyi konstitutsionalizm: kontseptual'nye osnovaniya i institutsional'nye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoi turbulentnosti // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2025. № 3. S. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
3. Schmitt C. Verfassungslehre / C. Schmitt. – München : Duncker & Humblot, 1928.
4. Dyzenhaus D. The Old Commonwealth Model of Constitutionalism / D. Dyzenhaus. – New York : NYU School of Law, 2021. – (NYU Law Working Paper).
5. Tribe L. American Constitutional Law / L. Tribe. – Westbury, NY : Foundation Press, 1978. – 1204 p.
6. Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism / N. Walker. – Florence : European University Institute, 2002. – 50 p.
7. Kumm M. The Jurisprudence of Constitutional Conflict: Constitutional Supremacy in Europe before and after the Constitutional Treaty / M. Kumm // European Law Journal. – 2005. – Vol. 11, № 3. – P. 262-307.
8. Peters A. The Merits of Global Constitutionalism / A. Peters // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2009. – Vol. 16, № 2. – Art. 2.
9. Sokolov A. Dolgozhdannyi ukaz [Elektronnyi resurs] // Stoletie.ru. – 2025. – URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/dolgozhdannyyj_ukaz_126.htm (data obrashcheniya: 05.04.2025).
10. Gutmann J. Measuring constitutional loyalty / J. Gutmann, R. Sarel, S. Voigt // Public Choice. – 2025. – Vol. 205. – P. 1-18.
11. Sotsial'naya i kul'turnaya adaptatsiya i integratsiya inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii : materialy "kruglogo stola" (22 marta 2023 g.). – M. : Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2024. – 80 s.
12. Bulatov R. B. Printsip proportsional'nosti i ego testovye kriterii / R. B. Bulatov, A. S. Mikhasev // Administrativnoe pravo i protsess. – 2024. – № 11. – S. 21-24. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-21-24 EDN: CIBZER.
13. Hofhansel C. The Waxing and Waning of Loyalty in German Citizenship / C. Hofhansel // German Politics. – 2021. – Vol. 32, № 3. – P. 1-18.
14. Habermas J. Die postnationale Konstellation: Politische Essays / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1998. – 272 S.
15. Dmitriev A. V. Konfliktogennost' migratsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy / A. V. Dmitriev // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. – 2015. – № 1 (09). – S. 16-29. EDN: TKAGEZ.

The Evolution of the King's Law of 1665 as a Constitutional

Act of Absolute Monarchy in Denmark: Content, Significance, and Evolution

Moshin Valerii Andreevich

Postgraduate student; Law Institute; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

109341, Russia, Moscow, Marino district, Verkhniye Polye str., 4, block 123

 v_moshin@mail.ru

Abstract. The King's Law of 1665 is a unique legislative act that not only laid the foundations of absolute monarchy in Denmark but also had a long-term impact on the formation of Danish statehood and the legal system of this Scandinavian country. Its study is of interest in the context of identifying common patterns of constitutional development in foreign states and determining the role of historical heritage in it. The analysis of the factors that influenced the development and adoption of this law, the features of its implementation, and its impact on the transformation of Denmark's political system deserves attention. The King's Law is comprehensively analyzed as a key constitutional act of the period of absolute monarchy in Denmark: its content, significance, and evolution during the period leading up to the adoption of the Constitution of 1849 are considered. Analytical, historical, and comparative legal methods are used to study legislation, scientific publications, and archival materials related to the period of Danish history from the 17th to the 19th century. The period of Danish history, during which the King's Law de facto had the status of a constitution, spans almost 200 years (1665–1849); however, its content and role are currently insufficiently researched and illuminated in domestic scientific literature. This study identifies and systematizes the key aspects of the King's Law of 1665, defines its fundamental importance for the establishment and functioning of absolutism, and shows the mechanisms of its evolution and adaptation to changing political and social conditions up to the liberal reforms of the mid-19th century. The nonlinear nature of constitutional development in Denmark is emphasized, where the King's Law, despite its absolutist nature, laid the foundations for further legal and administrative construction that influenced the formation of the modern Danish state.

Keywords: History of law, State system, Constitutional act, Constitutionalism, June Constitution, Absolutism, Frederick III, Danish monarchy, King's Law, Peder Schumacher

References (transliterated)

1. Arup, E. Knud Fabricius: Kongeloven. Kbhn: Hagerup, 1920. Historisk Tidsskrift, 9, pp. 387-397.
2. Bregnsbo, M. The Danish Way: Freedom and Absolutism. Political Theory and Identity in the Danish State ca. 1784–1800. Northern Antiquities and National Identities, 2008, pp. 277-287.
3. Commager, H. Freedom of the Press in Denmark. Scandinavian Studies and Notes, 1927, vol. 9, no. 8, pp. 258-266.
4. Ekman, E. The Danish Royal Law of 1665. The Journal of Modern History, 1957, vol. 29, no. 2, pp. 102-107.
5. Faerkel, J. Some Aspects of the Constitution of Denmark. Irish Jurist (1966-), 1982, vol. 17, no. 1, pp. 1-31.
6. Gottschalck, R. The Royal Law of Denmark: Roman Law and Danish Absolutism. Acta Conventus Neo-Latini, 2024, vol. 18, pp. 346-357.
7. Jensen, M. F. The Question of How Denmark Got To Be Denmark – Establishing Rule of

- Law and Fighting Corruption in the State of Denmark 1660–1900. QoG Working Paper Series, 2014, no. 06, pp. 1-26.
8. Johansen, J. Chr. V. Absolutism and the 'rule of law' in Denmark 1660-c. 1750. The Journal of Legal History, 2006, vol. 27, no. 2, pp. 153-173.
 9. Kaspersen, L. B. How Denmark Became Democratic: The Impact of Warfare and Military Reforms. Acta Sociologica, 2004, vol. 47, no. 1, pp. 71-89.
 10. Munck, T. Absolute Monarchy in Later Eighteenth-Century Denmark: Centralized Reform, Public Expectations, and the Copenhagen Press. The Historical Journal, 1998, vol. 41, no. 1, pp. 201-224. EDN: FOCOUT.
 11. Orfield, L. B. Danish Law, Part I. U. Mia. L. Rev., 1950, vol. 5, pp. 1-39.
 12. Vergauwen, C. P. F. The Legal System of the Kingdom of Denmark. Katholieke Universiteit, Leven, Belgium, 1989, pp. 1-41.

The absence of a business purpose in the model of entrepreneurship as a sign of business fragmentation

Trapeznikov Aleksandr Ivanovich □

Postgraduate student; Faculty of Law; Perm State National Research University

614031, Russia, Perm Krai, Perm, Dzerzhinsky district, Transportnaya str., 9, sq. 192

✉ trapezsasha@yandex.ru

Abstract. The article examines the category of business purpose, widely used in tax disputes regarding the unjustified tax benefits. The author considers the business purpose in the context of the signs of business fragmentation. The question of proving the absence of a business purpose in the models of entrepreneurial activity chosen by taxpayers is relevant in science and law enforcement practice when addressing issues of business fragmentation, as the substantive meaning of the business purpose category is little studied. The author studies the genesis of the law enforcement approach to proving the absence of a business purpose, with reference to foreign law enforcement practices reflecting the formation of the judicial doctrine of business purpose, as well as analyzing the formation of concepts of business purpose in Russian law enforcement practice related to tax benefit cases. Key views of legal scholars on business purpose in identifying tax abuses aimed at obtaining unjustified tax benefits through business fragmentation are listed. The author applies general scientific methods, among which the main research method is analysis: its use in the work is related to the study of doctrinal sources. Induction is used to study law enforcement practices and case law related to the subject of research. The author identifies the absence of a unified standard for proving business purpose in tax disputes over business fragmentation. To solve the stated problem, the substantive meaning of business purpose and the aspects subject to verification to establish the presence or absence of business purpose were identified. Based on this, a methodology for researching business purpose in the model of entrepreneurial activity was proposed. Conclusions were made about business purpose as a legal category, guiding a step-by-step assessment of taxpayers' business intentions when making a transaction (operation) and the economic effect obtained from their implementation; about the inadmissibility of establishing business purpose through another attribute—the lack of independence of taxpayers participating in business fragmentation; about the list of actions for the law enforcer when checking business purpose and direct and indirect aspects proving or disproving the presence of business motives in the taxpayer's behavior when forming the business structure.

Keywords: economic effect, judicial practice, judicial doctrine, tax disputes, economic justification, business purpose, signs of business fragmentation, business fragmentation, tax benefit, taxation system

References (transliterated)

1. The US Supreme Court's Judgement of 01/07/1935 in the case Gregory v. Helvering (application no. 127). – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/293/465/> (data obrashcheniya 27.08.2025).
2. Elkins, D. Gregory v. Helvering: A Red Herring that Shaped Tax Jurisprudence. – [Elektronnyi resurs]. – Berkeley Bus. L. J. P. 171 (2024). – URL: <https://ssrn.com/abstract=4575780> (data obrashcheniya 27.08.2025).
3. The US Tax Court Judgement of 02/02/1988 in the case Esmark Inc. v. Commissioner of Internal Revenue (application no. 33581-84). – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.leagle.com/decision/198826190ntc1711248> (data obrashcheniya 27.08.2025).
4. Bel'tyukova A.A. Doktrina delovoi tseli v nalogovom prave Rossii: ot sredstva dokazyvaniya v sporakh o nedobrosovestnosti nalogoplatel'shchika do sredstva otsenki obosnovannosti polucheniya nalogovoi vygody // Finansovoe pravo. 2013. № 1. S. 19-29. EDN: PUJVDL.
5. Rovinskii M.A. Predely dopustimogo nalogovogo planirovaniya: istoriya i aktual'nye tendentsii // Moskovskii yurist. 2013. № 2. S. 32-47.
6. Kilinkarova E.V. Dopustimaya nalogovaya optimizatsiya v sudebnykh doktrinakh SShA i Velikobritanii // Zakon. 2012. № 1. S. 166-172. EDN: OOASSF.
7. Vinnitskii D.V. Dobrosovestnost', obosnovannost' vygody, predely osushchestvleniya prav, ili kak rossiiskoe nalogovoe pravo okazalos' na peredovykh rubezhakh bor'by so zlom, gnezdyashchimsya v nalogoplatel'shchikakh // Zakon. 2018. № 11. S. 44-57. EDN: YQXTYT.
8. Pinskaya M.R. Nalogovye riski gosudarstva, svyazанные с drobleniem biznesa, v EAES // Nalogi. 2019. № 4. S. 42-45.
9. Psheunov A.M. Droblenie biznesa s tochki zreniya otsenki obstoyatel'stv polucheniya neobosnovannoj nalogovoi vygody // Finansovoe pravo. 2024. № 6. S. 26-29. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-6-26-29. EDN: GCFAIR.
10. Zalevskii V.G., Shcherbakov A.A. Pravovye posledstviya drobleniya biznesa kak sposoba optimizatsii nalogoooblozheniya predpriyatiy, primenyayushchikh uproshchennuyu sistemу nalogoooblozheniya // Nalogi. 2017. № 5. S. 7-10.
11. Boluchevskii S.S. Droblenie biznesa: predely dopustimogo // Nalogoved. 2023. № 8. S. 33-46. EDN: DFVZRU.
12. Bryzgalin A.V., Putilova M.Yu. O riskakh kvalifikatsii deistvii v kachestve "drobleniya biznesa" // Nalogi i finansovoe pravo. 2021. № 5. S. 154-158. EDN: STZOON.
13. Pepelyaev S.G. Delovaya tsel' sdelki // Korporativnyi yurist. 2007. № 3. S. 3-9.
14. Volkov A.V., Blinkov O.E. Droblenie biznesa: pravovye problemy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. № 2. S. 261-280. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-261-280. EDN: MHLGDG.
15. Kelikh E.I. Droblenie biznesa: ponyatie, priznaki, dokazatel'stva i dokazyvanie // Podgotovlen dlya sprav.-prav. sistemy "Konsul'tantPlyus". 2025.
16. Laro D. Opyt SShA: doktriny ekonomiceskoi sushchnosti i delovoi tseli // Nalogoved.

2010. № 6. С. 62-71. EDN: KYOMIB.
17. Laro D. Aktual'nye nalogovye spory v SShA // Nalogoved. 2012. № 6. С. 72-83. EDN: OZLFCR.
18. Shesterneva E.P. Problemy primeneniya sudebnykh nalogovykh doktrin v Soedinennykh Shtatakh Ameriki na primere doktriny ekonomiceskoi sushchnosti // Nalogi. 2021. № 5. С. 42-45.
19. Avdiiskii V.I. Finansovye rassledovaniya faktov korporativnoi restrukturizatsii: obosnovanie delovoi tseli i snizhenie nalogovoi nagruzki // Vestnik evraziiskoi nauki. 2024. Т. 16. № 4. С. 1-16. EDN: JKQMZO.
20. Shelkunov A.D. Delovaya tsel' kak priznak obosnovannosti nalogovoi vygody // Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga. 2011. № 4. С. 86-89. EDN: OHICNF.